

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ПЛАЦДАРМ

«ПОПАДАНЦЕВ»

Александр Сергеевич Конторович

Плацдарм «попаданцев»

Серия «Десант «попаданцев»», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671005*

Аннотация

Сумевшая выжить в тяжелом бою, группа попаданцев из будущего должна пройти по тонкой тропке между сильными мира сего – англичанами и испанцами. Как уцелеть в схватке двух империй? Как заставить уважать себя? Союзников – нет. И ожидать их в ближайшее время неоткуда. Остается одно – работать. Стиснув зубы и напрягая все свои силы, строить свой новый мир – мир, в котором не будет места ошибкам из будущего, приведшим мир на грань уничтожения. И в который раз подтверждается старая истина: главная часть любого оружия – это голова его хозяина.

Содержание

Главное: строить свой мир	6
Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	29
Глава 3	47
Глава 4	53
Глава 5	70
Глава 6	94
Глава 7	100
Глава 8	111
Глава 9	117
Глава 10	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Конторович

Плацдарм «попаданцев»

Уважаемые читатели!

Если вы уже прочитали нашу первую книгу – «Десант “попаданцев”», то новая в особых представлениях не должна нуждаться. Герои продолжают обживать новое для них время в прошлом, отвоевывая свое место под солнцем. Сюжет пополнился новыми героями, а наш коллектив – новыми авторами и участниками. Надеемся, что они будут вам не менее интересны, чем нам.

С уважением, авторский коллектив проекта «1790: Десант попаданцев»:

Александр Конторович aka Дядя Саша

Владимир Коваленко aka ВЭК

Александр Романов aka П. Макаров

Александр aka Зануда

Евгений aka Dingo

Константин Валерьевич Мысловский aka Котозавр

Александр Кулькин aka Старый Империалист

Серебренников Евгений Михайлович aka Всеслав

Елена Спесивцева aka Елена Горелик

Николай Валерьевич Тоскин aka NikTo

Наталья Николаевна Мысловская aka Улыбка Енота

Ирина aka Cherdak13
Сергей aka Дог
Александр Ершов aka Zybrilka
Сергей aka Змей
Елена Валерьевна Яворская aka Цинни
Сергей aka Клим
Вадим Артурович Мельников aka Spassk
Губанов Кямилъ Валихад ог. aka Shono
Сергей aka Лорд д'Арт
Сергей aka Set Sever
Константин aka Рысенок
Сергей Акимов aka Cobra
Артем Рыбаков aka Artof
Анатолий Спесивцев
Андрей Сердаров aka Курбаши
Марина aka Котенок
Анатолий Логинов
Екатерина Чердаклиева aka Катя

Главное: строить свой мир

Пролог

Я знаю, как лечить головную боль, но это сильно отражается на печени.

Февраль 1791 года

Англия

Сидевший у камина седовласый джентльмен поднял голову на звук шагов.

– Сэр Генри! Рад видеть вас в добром здравии! А я тут задремал в тепле...

– Ну что вы, милорд! Это я должен просить у вас извинения, увы, но проклятая погода задержала меня в пути. Гриффин, примите плащ и подайте нам грогу, – повернулся он к лакею. – Вы не возражаете, милорд?

– Пожалуй, это действительно то, что нам обоим нужно. Вошедший хозяин кабинета и всего поместья подошел к

камину, протянул руки к огню.

– Холодно... Как только мне доложили о вашем визите, я немедленно поспешил сюда, оставив все прочие дела.

– Полноте, мой друг, не стоило так уж спешить. Старики, вроде меня, нечасто выезжают из своего дома. Но это еще не повод бросать дела государственной важности...

Оба джентльмена обменялись понимающими улыбками.

«Старая ты лиса! – подумал Генри Марлоу. – Высунул хитрый нос из своего затворничества. Зачем? Давно уже лорд Оливер Роул отошел от дел. Но – только на первый взгляд... Что-то случилось? Но что? И почему я ничего об этом не знаю?»

Но вслух он, естественно, ничего подобного не сказал, устраиваясь в кресле напротив своего гостя.

Подошедший дворецкий поставил на столик у камина бокалы с согревающим напитком и заботливо укутал ноги хозяина пледом.

Лорд Роул, отпив глоток, поставил бокал на место.

– Хорошо...

– Что привело вас сюда, милорд? Вам стоило лишь написать мне, и я тотчас навестил бы вас...

– Какие могут быть дела у старика? Так... слухи... сплетни... ничего серьезного.

– Ну и слава Всевышнему! Знали бы вы, как надоедает подчас эта скучная рутина...

– Знаю, друг мой, знаю... Я и не стал бы беспокоить вас по

столь ничтожным пустякам, как какие-то сплетни отошедших от дел стариков...

«И держащих при этом в своих руках немалую часть денег всей Компании! Вот оно что! Они почувствовали угрозу! Но где?»

Роул снова отпил из бокала.

– Скажите, мой друг, а что сейчас происходит в Калифорнии?

– А что там может происходить? Все по плану...

– Чьему?

– Не понял вас, милорд?

– По чьему плану сейчас развиваются события в Калифорнии?

– Э-э-э... ну есть же планы относительно развития этих мест...

– Да? Не знал... И у кого же они есть?

– Ну... у руководства Компании, естественно.

– У них есть что-то, о чем я не осведомлен?

«О как! Старикашки обиделись? Да нет... тут что-то другое...».

– Насколько я осведомлен, никаких изменений в наших планах не имеется. Все, что было утверждено раньше, выполняется. Есть, конечно, отдельные накладки, но это и понятно...

– Хорошо... я буду более конкретным. Что произошло в бухте Хорсшу?

– Этим делом занимался сэр Джефферсон, вы должны его помнить.

– Разумеется, я его помню. И многого вам удалось достичь?

– Там были какие-то затруднения, связанные с русскими поселенцами на этих землях... У них был союз с местными племенами, да и испанцы оказывали им тайную помощь.

– И что? Чего вам удалось достичь?

– Ну... толком мы сейчас ничего не знаем. Месяц назад на одну из факторий вышел солдат из отряда commodora Бигелу.

– Кто это такой?

– Он командовал группой кораблей, направленной на усмирение этих... русских.

– Группой?

– Четыре корабля и около пятисот человек солдат и матросов.

– Ничего себе! Такими силами можно завоевать княжество! И каковы их успехи?

– Здесь еще нет ясности, милорд... Необходимо еще навести справки и...

– Сэр Генри! Я давал вам основания заподозрить меня в слабоумии?

– Что вы, милорд! Я не осмелился бы даже...

– Так чего вы мне тут голову морочите? Что рассказал солдат?

– Все корабли были потоплены, а отряд уничтожен. Уцелевшие солдаты и матросы были взяты в плен.

– Кем?

– Там... там было много всякого сброда, милорд. Русские, индейцы, даже несколько англичан! Со слов солдата, Бигелу даже кого-то узнал. А некоторые солдаты нашли там своих близких.

– И куда же делись все пленные?

– Часть из них осталась там же, в Хорсшу. Некоторых отпустили, дав с собою несколько ружей и немного продовольствия. До нас добрался только один человек.

– Сколько народу погибло?

– Около трехсот человек, милорд.

– Неслыханно! – лорд Роул поднялся с кресла и зашагал по комнате. – Такого урона нам не наносили уже давно! Его величество... впрочем, ладно... Что вы собираетесь предпринять?

– Наши возможности в тех краях сильно ограничены. Имевшийся неподалеку от тех мест форт опустел.

– Почему?

– Джефферсон взял оттуда почти весь гарнизон. Воспользовавшись этим, на форт напали индейцы и...

– Понятно...

– Уцелевшие обитатели поселка отступили и с первым же кораблем Компании покинули эти места. У нас больше нет там опорных пунктов.

– Да-а... сэр Генри, вы не обрадовали старика...

– Увы, милорд, но такова суровая реальность...

Роул грустно сел в кресло и допил свой грог.

– Ну, в таком случае, и я вас не обрадую. Несколько дней назад я встречался с доном Игнасио Лопецем. Вы должны его знать.

– Разумеется. Он один из советников посла Испании. Человек весьма неглупый и... непростой.

– Еще бы, при его-то должности. Он... впрочем, неважно. Гораздо интереснее то, что он мне сообщил.

– И что же, милорд?

– Этот проныра выразил мне свои соболезнования!

– По поводу?

– Того, что вы мне сейчас рассказали.

– То есть, милорд, испанцы знают об этом?

– И не только об этом. Он также выразил свое удивление тем, что офицеры короля позволяют себе подбивать дикарей к нападению на испанские поселения!

– Это полная чушь, милорд!

– Да? – лорд остановился и вытащил откуда-то конверт. – Полюбуйтесь!

– Что это?

– Показания лейтенанта Райли, взятого в плен как раз при исполнении подобного приказа! Что вы на это скажете?

– Это мистификация! Бумаги подделаны!

Роул покивал.

– Именно так я ему и сказал. В ответ этот жирный боров только улыбнулся. Он сказал, что ему тоже нет нужды выяснять правдивость подобных утверждений, ибо Господь Бог покарал всех, кто был к этому причастен. Причем некоторые уже предстали перед его судом!

– Вот даже как...

– Да! И более того! Он смиренно заметил мне, что как добрый католик не считает возможным возлагать на Господа столь несвойственные ему обязанности – следить за порядком в диких землях. А вот несколько сотен солдат, по мнению дона Игнасио, справятся с этой задачей намного лучше...

Некоторое время в кабинете стояла тишина, нарушаемая только потрескиванием угольков в камине да заунывным шумом февральского сырого ветра за окнами. Первым нарушил молчание гость.

– Сэр Генри, в свое время мне отрекомендовали вас как человека, умеющего сопоставлять разрозненные факты, выстраивать цельную картинку из мозаики, где не хватает многих элементов. Правление Компании, если вы в курсе, в настоящее время прорабатывает планы распространения своего влияния не только на Новый Свет.

– Да, конечно, милорд. Мне уже поставлена задача рассмотреть вопросы, самые разные, при столкновении наших интересов с таковыми у Британской Ост-Индской Компании. Торговля шерстью прибыльна, но не является единственным

экономически значимым фактором для наших учредителей. К сожалению, в настоящее время такой многообещающий сектор внешней и внутренней торговли, как добыча и сбыт меха, оказался полем для столкновения между Компанией и этими выскочками из Северо-Западной Компании.

– Вот как? – лорд Роул с новым интересом взглянул на собеседника. – Тогда почему Правление не известило меня, что вы назначены куратором нового направления?

«Да потому, старая перечница, что в Правлении многие хотели бы избавиться от тебя! И только твое влияние в кабинете премьера останавливает самых нетерпеливых, давно поглядывающих на те ручейки звонкой монеты, которые утекают мимо их карманов в твои руки». Как обычно, вслух он сказал совершенно другие слова:

– Милорд, я всего лишь один из слуг народа, представляющих его интересы в парламенте. Мое участие в деятельности Компании не афишируется, да и сводится оно к некоторым услугам консультативного характера, что же касается тех слухов, которые распространяют завистники и падкие на непроверенные слухи газетеры...

– Да-да! Я отлично понимаю вас, все эти досужие сплетни не стоят и выведенного яйца, но отнимают время на их пресечение, – теперь настала очередь сэра Оливера скрывать свои мысли за вежливыми, ничего не значащими словами.

«Что же, примерно такого ответа я и ожидал. Китайский проект решили развивать без меня. Кто-то надеется на хоро-

шие доходы от торговли с желтокожими в обход установившихся контактов между Поднебесной и Ост-Индской Компанией. Сухопутный выход на побережье Тихого океана, создание там опорных пунктов – моя идея долго не находила поддержки в Правлении. В чем-то их можно понять – лишние расходы, постоянная нехватка людей, а последнее время обострившаяся конкуренция с СЗК – не лучшие условия для развития нового затратного начинания. Но неужели Компания настолько оскудела проницательными людьми, что там не в состоянии уловить те знаки перемен, что так и витают в воздухе? У правительства не хватило решимости и солдат, чтобы в зародыше придавить это новоявленное образование – вольные американские штаты. Слишком опасный прецедент, а ему не придали должного значения. Испания погрязла во внутренних проблемах, она уже не может с прежней суровостью и эффективностью управлять своими американскими колониями. Франция на пороге нешуточных перемен, но и это почему-то мало кто замечает. Одна надежда, что Питт-младший с моей и Божьей помощью все-таки сможет навести порядок не только на Острове, но и на окраинах Империи. Теперь необходимо слегка отвлечь внимание Генри и его кукловодов от моих интересов на Западном побережье».

– Поэтому не будем отвлекаться на обсуждение пустячных уколов от писак и обывателей, – лорд Роул отпил уже остывший грог из бокала и поставил его на столик. – Могу толь-

ко посоветовать вам обратить самое пристальное внимание на фигуры в руководстве Северо-Западной Компании. После смерти старшего Фробишера четыре года назад там нашелся умный и дальновидный человек, пригласивший на службу Александра Макензи. Мне уже приходилось слышать о нем ранее, и его деятельность заслуживает того, чтобы обратить на него самое пристальное внимание. Не удивлюсь, что он приложил руку и к тем событиям, что послужили поводом для моего визита к вам.

Роул поставил на стол опустевший бокал.

– А теперь, с вашего позволения, я хотел бы отдохнуть, так как мне завтра необходимо рано вернуться к себе, а в мои годы даже такое путешествие уже требует напряжения всех моих малых сил.

– Конечно, о чем может быть речь! – с этими словами сэр Генри поднялся и снял с каминной полки серебряный колокольчик. – Сейчас Гриффин проводит вас в спальню, которая так нравится вам...

Завтрак утром следующего дня был подан до неприличия рано. Хотя тому была весьма уважительная причина – хозяин и гость весьма спешили по неотложным делам, которые были запланированы на сегодня – прислуга даже позволила себе кидать на лорда неодобрительные взгляды, считая его виновником таких нарушений всех и всяческих традиций. Дождавшись, когда подадут кофе и последний слуга удалит-

ся из гостиной, сэр Оливер вернулся к вечернему разговору.

– Позволю напомнить вам, сэр Генри, что в дальнейшем будет необходимо избегать таких убытков, как те, что Компания понесла в результате прошлогодней скоропалительной экспедиции. Любая операция должна приносить прибыль – это азы, с которыми знакомят каждого нового сотрудника, а вы уже далеко не стажер.

«Лишний раз напомнить, что при всех его регалиях и положении в парламенте, для Компании он всего лишь наемный работник, отнюдь не помешает. Да и ответ на полувнятные шевеления в Правлении получится достойный, всего лишь останется приглядеть, куда наш друг направит свои стопы сразу после расставания. Тогда картина с моими личными недоброжелателями станет ясной, как весеннее утро. А если добавить что-то вроде личного поручения и выяснить, что для Марлоу будет первоочередным, то это будет лишним штрихом, дополняющим расклад сил на тех планах, которые я вырисовывал в своей голове долгими вечерами у камина».

– Так что настаиваю на как можно более серьезном отношении к моему предложению внимательно присмотреться к нынешнему руководству СЗК. На мой взгляд, здесь возможны любые, даже самые экстраординарные методы...

– Не могли бы вы точнее сформулировать ваши рекомендации в этом вопросе, сэр?

– Разве необходимо вас даже в такой мелочи инструкти-

ровать? Все действия, которые невозможно будет прямо связать с руководством нашей организации, но приносящие ей пользу, а конкурентам, соответственно, убытки – с моей стороны получают только одобрение и самую горячую поддержку. Сами понимаете, что выражена она будет впечатляющей суммой организатору акций. Так что, если я через некоторое время прочитаю в газетах о каких-либо происшествиях на таком малоосвоенном континенте, как Америка, с кем-то из наших конкурентов, то чековая книжка у меня всегда с собой. Единственное уточнение – доказательства рукотворности, так сказать, прискорбных событий, будут все же необходимы. Я человек широких взглядов, но никогда не замечал в себе желания выкидывать деньги на ветер, оплачивая неоказанные услуги.

«Посмотрим, что в нашем хозяине преобладает, жажда наживы или осторожность? И найдутся ли у него толковые советники, понимающие, в какую зависимость от меня организатор подобных мероприятий попадает. Если не подсказут – значит, в Правлении дела обстоят гораздо хуже, чем я подозревал. И следует крепко задуматься о возможности перевода моих основных капиталов в другое предприятие».

Каждый из собеседников, усаживаясь в кареты, думал о своем. Нескоро кто-то узнает, о чем именно...

Глава 1

Ноябрь 1790 года

Форт «ВВВ»

Из дневника Сергея Акимова

Ежедневная работа с пленными наглами добавила мне новой головной боли к ежедневным обязанностям. Чего только стоило найти надежные изолированные помещения для содержания офицеров и мистера Джефферсона, который требовал к себе больше внимания, чем все остальные. Не в том плане, что ему требовался особый уход и комфорт, но слишком интересный клиент попался. Но тут уж ничего не поделаешь – специфика, чтоб ее... Одно дело – блиц-потрошение противника во время рейда или чего-то подобного, и совсем другое – определить самых упертых, придумать, как изолировать их от перспективных кандидатов на переубеждение или вербовку, да много чего еще, вам совсем не обязательно знать такие подробности. Крепче спать будете.

Забот хватало всем. Как и до разгрома карателей. Ведь было совсем не так, как зрители привыкли видеть подобные

сцены в кино. Там герои стремительно движутся к финальной схватке, по дороге совершая глупости наряду с феерическими подвигами, зарабатывают себе бонусы, теряя второстепенных персонажей, наживая врагов (на удивление глупых), находя друзей (еще более удивительно беспомощных и бесполезных). Потом главная сцена минут на пятнадцать – двадцать и закономерный энд, как правило – хэппи. Совсем короткие эпизоды, когда ГГ утомительно тренируется, готовит снаряжение, постепенно исчезают из современных (это я загнул, конечно, они ведь еще даже никем не придуманы!) фильмов. Зрителю нужен экшн! Поэтому даже обычный поход в супермаркет или в бар тогда, в бесконечно далеком теперь двадцать первом веке, сценаристы превращали в очередную потасовку, с разным количеством трупов. Но это я отвлекся. А на самом деле бывает примерно так. Дни и недели утомительно скрытного передвижения к точке, где нужно выполнить задание. Потом несколько минут бесшумных и невидимых посторонним действий и, если делом заняты профи, такое же незаметное и долгое возвращение. Частенько противник узнает о том, что у него на объекте что-то произошло, почти в то же время, когда старший группы уже докладывает о выполнении задания своему командованию. Или вот как в нашем случае. Месяцы подготовки, таскание кубометров бревен и земли, маскировка, создание ложных позиций, схронов и укрытий. Потом несколько часов стрельбы, в основном со стороны противника, который только зря

переводит боеприпасы (нас в такие моменты просто душило это зеленое земноводное, ведь фактически наш порох переводят, бестолочи!) и закономерный финал – остатки ничего не понявшего толком противника сдаются. Или не сдаются, а умирают, так как не смогли уловить момент, когда для них уже все кончено. Пусть для наших современников, отравленных идеями либерастов и толерантов, звучит кощунственно, но нам второй вариант – «и потом они умерли в один день» – подошел бы даже больше.

Думать о кормежке, охране толпы озлобленных пленных наглов... Я бы с удовольствием оставил эти заботы кому-то другому. Так ведь даже на испанцев, которые в данном случае вроде наши союзники и должники, не скинешь эту мороку. Места, где содержать пленных, у них нет, миссии для таких целей совершенно не приспособлены, не говоря уже об отсутствии нужного количества и хорошего качества охраны.

Положим, у нас тоже с такими нюансами имеются некоторые траблы, но фантазия на эти темы менее скована реалиями времени. Прямо вот на поле боя, или сразу после него, в стиле рыцарских романов, никто врагов, особенно офицеров, отпускать под честное слово, оставляя оружие и средства передвижения, не собирается. Поработают на стройках социализма, тьфу, будущей Директории, покажут себя со всех сторон, тогда и будем выбирать – кого, куда и в каком виде отпускать. Свобода – это понятие растяжимое и много-

гранное... В качестве охраны вполне подойдут стажеры из молодых индейцев. Для англичан они уже успели стать пугалом, без всяких наших усилий. Сами умудрились настроить аборигенов против себя, не считая их за людей, обманывая направо и налево, давая обещания, которые заведомо не собирались выполнять. Так что господам просвещенным мореплавателям предстоит масса однообразной работы, сбалансированное питание, из тех запасов, которыми мы сможем с ними поделиться, и очень, очень много времени на размышления.

Не забываем, что добрая половина сидельцев в большей степени «лежалыцы», с ранениями разной степени сложности и неопределенной перспективой на выживание. Шоно ночей не спит, помогая фельдшерам и санитарам из подотчетного контингента выхаживать самых трудных. Как ни напрягает нас необходимость тратить невосполнимые запасы лекарств из XXI века, но нельзя забывать идеологическую часть проблемы. Простые солдаты – чем они виноваты, получая приказы от таких деятелей, как представитель КГЗ мистер Джефферсон? Не хочу представлять их заблудшими ангелами, обычно в колониальные войска этого времени собирали не лучшие образцы человечества, но кто-то из них ведь способен будет оценить заботу о собственном здоровье, проявленную вчерашним противником? Тем более, что в конце месяца мы получили совершенно неожиданную помощь в лице еще одной попаданки, появившейся в нашем распо-

ложении после одной из патрульных экспедиций группы под командованием Котозавра.

Кроме обычной рутины по закреплению нашего положения в этих местах, закладывания основ будущей промышленности и самой возможности выживания, приходилось срочно организовывать патрулирование. Гарантировать, что все высадившиеся англичане попали под раздачу, не мог никто. Вполне могли остаться какие-то незамеченные нами мелкие подразделения. Даже десяток солдат во главе с более-менее толковым сержантом мог доставить нам кучу неприятностей. Именно своей непредсказуемостью. Так что каждое утро тройка попаданцев, дополнительно к дозорам из подопечных Всеславу индейских казачат (или как же их правильно назвать-то?), выходили в рейды, осматривая возможные места занывивания недобитков. Такие походы занимали у них пару – тройку суток. Возвращались они обычно уже в темноте, регулярно сообщая, что признаков противника не обнаружено. Поэтому, когда прибежал посыльный индюшонок, прогуливавший уроки и крутившийся возле дозорной вышки, у меня екнуло сердце. Любые новости сейчас оказывались, как правило, не очень приятными.

– Камрад Снейк! – «Уши тебе оборвать, а заодно тому, кто научил», – там Змей с Великой Собакой ведут чужих индейцев! – «Ну, вот почему Змея они научились по-русски называть, а меня, с чьей-то подачи, на аглицкий манер переиначили!»

– Молодец, хвалю за службу.

Пацан просиял, вытянулся по стойке «смирно» и тут же ринулся из дома, уже не услышав брошенное вслед:

– А вот за прогул в школе ты еще свое получишь.

Выхожу вслед за ним на крыльцо, с которого как раз хорошо видно подъезжающего к распахнутым воротам Змея, за которым следует небольшой караван из нагруженных домашним скарбом индейцев, нервно оглядывающихся на гордо вышагивающего алабая. Отсюда подробностей мне пока не видно, но узоры на их одежде явно отличаются от уже привычных, принятых у местных.

* * *

Пара цитат из моих разговоров с прибывшими поисковиками и новыми жителями форта.

Улыбка Енота

– Приехали прогрессоры, давай агитировать за советскую власть, как я его не прибила, гаденыша, не знаю. Очень уж хотелось. Индейский компонент личности, видать, сработал.

Котозавр

– Опять пошло очернение моего светлого образа. Мама и раньше не отличалась кротким нравом и изысканными манерами, теперь же яд с клыков так и капает. А ведь не так все было!

Ниже лучше пересказать историю встречи словами коман-

дира поискового звена.

Котозавр

Брифинг перед миссией не предвещал неожиданностей: Рысенку его индейские знакомые рассказали про небольшой род, откочевавший в конце весны из окрестностей форта на восход. Нетипичное время, но причин тому могло быть множество: от военной угрозы до чесания левой пятки шамана. В этих малозаселенных местах каждый человек на счету, поэтому решили беглецов найти и поиметь с них пользу. С точки зрения прогрессорства малые племена удобнее: Большой Медведь, вождь мощного племени пайютов, на переговорах качал права, и убеждать его пришлось целым спектаклем с горой подарков. Малые роды, наоборот, немного растопырив пальцы на тему самостоятельности и незалэжности, соглашались на условия союза довольно быстро: «кушать хочется» – надежный аргумент. Охотники дружественных племен дали нам довольно точный район поисков, поэтому рыскать «по долинам и по взгорьям» не пришлось. Стойбище было в неплохом месте, недалеко от реки, полтора десятка типи – бедненько, но чистенько. Встречать гостей вышли пяток воинов и вождь – нестарый мужик со шрамом поперек физиономии. После положенных по традиции церемоний представления нас пригласили в лагерь, и неторопливые – когда Аллах создавал время, он создал его достаточно – переговоры

начались. И начались наперекосья. Скептицизм противной стороны зашкаливал. В каждом нашем предложении искали подвох, в каждом слове сомневались, а заодно подозревали в гнусных намерениях. Да еще прибежала девка с ручным енотом, уселась на коврик рядом с вождем и смотрит на меня так, будто хочет просверлить дырку.

– Вы будете продавать нам огненную воду?

О, блин! Нет, конечно.

– Нет, мы меняем шкурки зверей на ножи, котелки, ткань и иголки. Только полезные и нужные вам вещи.

– Твой язык лжет. Все розовые люди торгуют огненной водой, чтоб лишить настоящих людей души и мужской силы.

Твою мать! Неужели их так англичане напугать успели?

– У нас, розовых, тоже есть разные племена. Духи нашего племени запрещают торговать огненной водой. Иначе нас покинет удача, и (подавись ты, старый хрыч) мужская сила. Одну луну назад была большая битва: тех, кто торговал, мы убили или прогнали с этих земель. Много рук вражеских воинов убили, посчитали много славных ку, взяли много скальпов и еще больше трофеев. (Блин, сам себя не похвалишь – уважать не будут.) Но мы хотим жить в мире и воюем только с теми, кто нарушает закон или нападет первый.

Вождь покосился на девку, и та, продолжая пялиться на меня, подтвердила нашу честность – это чо, полиграф такой?! Дальше – еще чудесатее: она увела меня от честной компании к реке и, отойдя за деревья, вцепилась когтями в

мое ухо, рыча на чистом русском:

– А ну колись, сын греха и порока, это твоих рук дело?!

Я не бухнулся в обморок, чем горжусь.

Как выяснилось в дальнейшем, моя мама «провалилась» вместе со всеми нами, пятнадцатого мая, и даже не очень далеко от основной группы, но определившись во времени с погрешностью в сотню лет, начала выживать в меру своего понимания. Понимание это базировалось на классиках марксизма-ленинизма, Фениморе Купере и кинофильмах с Гойко Митичем. Все, что она смогла вспомнить, говорило: подальше от белых людей! Белый в Америке – это войны, болезни, алкоголизм и геноцид.

Подтверждением этому стала стычка с патрулем англичан, который искал следы наглых грабителей, обнесших форт. Потеряли пятерых воинов, рванувших на штыки, убили парочку солдат и одного взяли живьем. Чего стоило молодой шаманке отмазать пленного от смерти у столба пыток – знает только она. Вы уже подумали о романтической истории в стиле Покахонтас? Джон Уиллис действительно нужен был для использования по прямому назначению – как мужчина. А именно: копать, носить воду, таскать тяжести, месить глину, заготавливать дрова, в промежутках обучая хозяйку английскому языку. Рабовладельческий строй, согласно классикам, прогрессивнее родоплеменного и обеспечивает больший прибавочный продукт. Только Джонни от этого легче не было.

– Сэр! Сэр! Заберите меня отсюда, добрый господин! Мне нечем заплатить, но клянусь всеми святыми, я отработаю все сполна! Если вы христианин, спасите меня от нее...

Загорелый дочерна и одетый в лохмотья, которые некогда были мундиром, обросший клочковатой бородашкой, которую явно ровнял ножом, солдатик чуть не плакал.

– Джонни, чем тебе не нравится общество этой темнокожей мисс? Тебя кормят, у тебя есть крыша над головой и ни одного сержанта на сотни миль вокруг. Работаешь ты меньше, ешь и спишь больше, чем в армии.

– Я боюсь за свою душу! Миссис Смайли – ведьма! Она варит дьявольские зелья, травит ими лягушек, а потом заставляет пить меня. В первый раз я мучился животом несколько дней и из меня лезли черви, от других зелий еще хуже: или лежу, не могу пошевелить ни единым членом, или душу вышибает из тела, и вокруг демоны танцуют.

* * *

Вот так в штабных документах появилась новая запись:

29. Мысловская Наталья Николаевна, характер скверный, по ее же словам. Курит.

Образование: провизор, капитан МС запаса. Специализация – медобеспечение морских десантных операций. Закончила Хабаровский мед. Любимые темы – токсикология и судмед с уклоном в нее же. Поездив с мужем по гарнизонам, на-

хваталась всяческой практики: вырезание подручными инструментами чирьев и флегмон, гнойных абсцессов, ампутация пальцев, богатая практика в приемном отделении – это вообще паноптикум от шизы до гинекологии, ну и травы широчайшей этиологии. Операционная сестра с приличными скиллами, анестезия в теории, но твердо. Собственно фармацевтика крепкой советской школы – когда аптеки очень до фи́га делали сами: порошки, пилюли, настои-отвары-вытяжки, стерильные, инфузионные эт цетера...

По ходу жизни – диагностика очень многого руками-глазами-по опросу.

Донор – безымянная индейка, ученица шамана. С духами говорить не научили, но травы знала. Молодая вдова, предыдущие годы роду конкретно не везло. После рассказанной детям сказки стала Улыбкой Енота.

Глава 2

Декабрь 1790 года

Из дневника Сергея Акимова

Вряд ли кто-то поверит, что такое вообще возможно, но даже в день сражения с английскими карателями занятия в нашей школе не прерывались. Другое дело, что преподавателей там было всего трое – Цинни, Лорд и один из индейцев, который вел урок родного языка для нуму и попаданцев. Правда, в этот раз вечерних занятий, на которых и собиралась взрослая часть населения форта, не было, пришлось устроить вынужденный перерыв. Но уже на следующий день все вернулось на круги своя.

Хотя бы два вечера в неделю, но каждый из нас занимал места за столами в самом укрепленном (если не считать медчасти и склада артефактов из нашего времени) здании поселения. Учили языки, обменивались знаниями об особенностях в политическом, экономическом и социальном устройстве тех государств, с которыми предполагался плотный контакт. Все отлично понимали, что наивно рассчитывать на новые «подарки из будущего», в виде провалившихся с кем-то еще ништяков и других «вкусностей». Полностью исключить такую возможность было нельзя. Хотя некоторые осо-

бенности самого факта провала наводили на мысль, что с удалением от общей точки сбора на берегу у столика Ирины, увеличивалась вероятность попадания сознания «реципиента» в тело местного «донора», без каких-либо вещественных «довесков». Пусть это была голая теория, даже, скорее, догадка, но никаких особых доказательств ни «за», ни «против» у нас не было. Поэтому учились без всяких себе поблажек всему и у всех. Ресурс ноутов не вечен, да и без подключения к инету они уже не были такими бездонными источниками всевозможной информации, как в двадцать первом веке.

Кроме взаимообучения, приказом по гарнизону каждый из пришельцев был обязан взять себе минимум одного ученика из местных детей. С целью обучить его всем тонкостям той специальности, которой попаданец владел лучше всего и к которой у ребенка проявлялись способности. Что не отменяло шефства и над взрослыми аборигенами. Разницы в национальностях мы тут не делали совершенно, поэтому соглядатаи дона Хосе немало дивились, видя сидящего на крыльчке Рысенка, ведущего беседу с маленьким нуму и средних лет мексиканцем. Если же им удавалось послушать разговор, ведущийся на смеси нуму, испанского, английского и русского, то тема наверняка приводила их еще в большее недоумение. Римское право, трудовой кодекс, о котором в те времена даже не подозревали. А если любопытный, особенно этим качеством отличался Рамон, сопровождавший Цин-

ни метис из окружения падре, попадал в кузницу или мастерскую, то там уж точно можно было наблюдать почти вавилонское смешение рас и народов.

На крыльце слышались шаги, и в комнату, предварительно отстучав условный сигнал, что идет один, вошел Зубрилка. Поприветствовал на ходу взмахом руки и сразу прошел к боковому окну. Понаблюдав за той картинкой, что ему там открывалась, он присел к столу и выложил свой талмуд, в котором делал записи о сделках, намечающихся контактах с потенциальными продавцами и покупателями. Для постороннего вполне привычная картина – завхоз, как даже испанцы и англичане привыкли меня называть (уж не знаю, что они там себе придумали в качестве объяснения такой должности), обсуждает торговые дела со своим помощником.

– Донья Химена спалилась по полной.

– Как и ожидалось, на связи?

– Естественно, самый опасный момент в работе агента, – мой «двойник», изображавший для всего остального мира торговца, имеющего вторую профессию шпиона, поудобнее устроился в кресле, волевым решением конфискованном мною из автобуса и бывшим «в девичестве» обычным сиденьем для пассажиров. Себе я, не озаботившись возражениями, «прихватизировал» водительское кресло из «Аутлендера». Не могу без содрогания вспомнить казенную мебель в тех учреждениях, в которых пришлось работать в органах там, в будущем. – Она взяла на себя заботу о поддержании

связи племянницы и дяди с помощью голубиной почты. Якобы Диего, штатный телохранитель Лолы, не умеет правильно обращаться с птицами. Можешь себе представить, как почтенная испанка, из приличной семьи, возится с этими разрушителями памятников?

Мы посмеялись, но особых поводов для веселья не было. Работая на кухне, что она там важного может узнать? Не распускать язык в присутствии посторонних наши уже давно приучились. Никаких девайсов, отличных от принятых в восемнадцатом веке, в поварском инвентаре не имелось. Особенности столовых приборов, некоторым количеством которых мы разжились в багаже автобуса, всегда можно было списать на привезенные нами диковинки из глухих мест Южной Америки.

– Так что, если на дона не подрабатывают Диего и Рамон, что уж слишком на поверхности лежит, значит, кто-то из присланных работников себя ведет настолько незаметно, что мы пока его не раскусили. Или не нарыл чего-то важного, на его взгляд. Будем устраивать показуху, или фиг с ним, засланцем из Ордена?

Мы уже совещались по поводу дона Хосе и его причастности к Ордену иезуитов с командиром, Рысенком и Артемом. Когда все вместе, когда в более узком кругу. Сейчас эта контора особого веса не имела, наоборот, пребывала в гонениях и упадке. Если верить официальной истории. Но ведь создавали его люди, ставящие перед собой запредель-

ные по тем временам задачи. И они смогли предусмотреть многие опасности, исходящие как от светских властей, так и от конкурирующих, так сказать, конфессий. Много мешало мне согласиться с представленными в популярных брошюрах и на сайтах Всемирной паутины сведениями как с окончательными и достоверными. Пусть даже не во всех странах власть предрешающие исполнили указ Папы, больше сорока лет общество Иисуса существовало без единого руководящего центра. Так не бывает! Иначе Орден не возродился бы так быстро после разрешения возобновления его деятельности.

Лишних проблем падре нам не доставлял, хотя и сам он, и его люди слишком любили почесать языком как с попаданцами, так и с остальным персоналом форта, его становилось все больше, больше, чем основателей форпоста будущего в Испанской Калифорнии. Известная опасность всегда лучше, чем не выявленная. Мы считали, что до поры до времени дон Хосе не будет ставить в известность гражданскую администрацию Испании в Новом Свете о замеченных непонятках в форте. Свое прямое начальство из Ордена, которого просто не могло не быть, пусть даже на подпольном положении, – безусловно. Ибо это его прямая обязанность. Иметь какие-то дела с таким пугалом, каким Орден представлялся нашим современникам по не самым умным книгам и фильмам, не казалось привлекательной идеей. Но пускать дело на самотек тоже было недопустимо. Старая идея – если не можешь повлиять на течение, надо его возглавить, пусть даже

рулить придется чужими руками, не теряет своей актуальности многие сотни лет. Так что не будем откладывать в долгий ящик проблему, в надежде, что она сама собой рассосется.

– Ты сам насколько хорошо контактируешь с доном?

Зубрилка не стал долго размышлять.

– Нормально общаемся, но только потому, что я сразу ограничил круг тем, начисто исключив любые разговоры о любой религии. Мол, я и на родине был белой вороной в этих вопросах, агностик и почти атеист, так что, во избежание ненужных конфликтов, давайте обсуждать виды на урожай или конъюнктуру рынка хлопка. Так что будет лучше, если беседу проведешь ты. А еще лучше – если на пару с командиром.

– Есть мысли по намекам, которые мы должны ему сделать?

– Так он же сам их нам подсказал, разрешив Цинни жить у нас. Ведь не маленький, должен был учитывать гарантированные расспросы об их прошлом. Так что для затравки начни с просьбы рассказать подробнее о жизни в Риме, когда его отец служил начальником стражи в замке Святого Ангела над Тибром. Напомни о подкупе двух советников Папы Климента XIII, благодаря давлению со стороны которых был подписан указ *Dominus ac Redemptor*. Не забудь и второй – *Gravissimis ex causis* – по нему работала комиссия кардиналов, решавшая судьбу иезуитов. Пусть расскажет, если в курсе, какие пункты обвинения были доказаны, насколько

ко эти доказательства были вескими для непредвзятого суда. Спроси, что он думает о самом факте роспуска Ордена без вынесения обвинительного приговора? Для меня, например, такой подход выглядит несколько странно. На десерт расскажи о непотребствах, которые творили тюремные чиновники, урезая Генералу пищевое довольствие вдвое, отказывая ему в прогулках и дровах зимой для обогрева. Раз его отец служил там, то наверняка был свидетелем этого произвола. И не просто так ведь он погиб странной смертью всего через год после кончины Риччи, а сын был вынужден скрываться в Пруссии почти десять лет, да еще с малолетней племянницей на руках.

Так что завязка будет весьма неплохая для любой интриги. Человек без амбиций в Орден не вступил бы, тем более в трудные для организации времена. Надо только направить эти устремления в нужное нам русло, глядишь – мы сможем возродить Орден, только «с человеческим лицом». А уж если получится падре пропихнуть на самый верх, или хотя бы куда-то рядышком... Только от нашей сообразительности будет зависеть, чтобы его чувство благодарности за содействие в карьере не превратилось в желание избавиться от таких свидетелей.

Как ни странно, но специально готовить эту встречу не пришлось. Помог совершенно бытовой случай – но тут придется сделать небольшое отступление от темы. Как вы дума-

ете, если вам вот так же не повезет провалиться на двести двадцать лет в прошлое, с душевным здоровьем у вас все будет в порядке? Обратной дороги не ожидается, кругом – не самая приветливая природа, а местные жители, особенно поначалу, особым дружелюбием не страдают. Да еще груз потери всех родных и близких давит так, что по ночам, в одиночестве, хочется в буквальном смысле «убиться об стену»... Проблемы обустройства и выживания в первое время помогали отгонять мрачные воспоминания, но какая-то разрядка каждому была просто необходима.

Поэтому руководству поселения и вашему покорному слуге следовало быстро найти способ дать выход тому напряжению и тоске, которые откладывались в душах наших коллег и подчиненных. Мы не стали изобретать велосипед, а просто завели порядок отмечать (без ненужного разгула и размаха) дни рождения всех попаданцев. Утром, на разводе, командир поздравлял новорожденных перед строем, с вручением немудрящих подарков. Тут снова необходимо оговориться, что в качестве таковых категорически запрещалось дарить что-либо из нашего будущего, дабы не добавлять ностальгии. Поэтому в ходу были различные самоделки из местных материалов, для девушек, естественно, добавляли букеты, среди местной флоры попадались весьма экзотичные и красивые экземпляры. А вечером организовывали посиделки у костра, как в один из первых вечеров, с парой-тройкой тостов, угощением из, опять же, местных дели-

катесов. Иногда просили Лорда поиграть что-нибудь на синтезаторе, благо водяное колесо крутило генератор от его же раздраконенного «Аутлендера», и с питанием агрегата особых заморочек не было. Но после одной из его не самых продуманных инициатив, выразившейся в попытке исполнить «Прощание славянки» и сразу за этим «Полонез Огиньского» – такие концерты прекратились. А сам «великий шаман» неделю ходил с внушительным бланшем, которым его наградил кто-то, оставшийся незамеченным в целой толпе желающих научить горе-музыканта сначала думать, а потом делать.

Так вот, возвращаясь к дням рождения и намеченной беседе с иезуитом. Со всеми «вихровцами» никаких проблем не было, даже с Годдардами-Спесивцевыми и остальными «везунчиками», сменившими тела на местные. Англия далеко, даже если есть записи в церковных книгах о реальных датах рождения «местных тел», то нас это не волновало ни в малейшей степени. Курбаши сказал, что такого обычая, как отмечать конкретный день появления на свет, среди индейцев пока не наблюдалось. Поэтому мы отмечали праздники по тем датам, которые были нам привычны из прошлой жизни. Единственная накладка, которую мы пока не предвидели, ожидала нас в декабре, с Лолой-Цинни. Ее день рождения из двадцать первого века мы уже отмечали, как и положено, 31 июля. Но ведь у нее был и «местный ДР», который прекрасно помнил дядя, не оставлявший племянницу своим вниманием. Приближалось двадцать второе декабря,

как раз в этот день и родилась местная Лола, поделившаяся весной этого года своим телом с язвительной и прагматичной учительницей из будущего. Нам пришлось готовиться к незапланированному празднику, заодно совместив приятное с полезным.

Озабоченный падре, в свою очередь, заранее испросил аудиенции у начальника гарнизона. Официально – для согласования различных мелочей, ибо повод присутствовал. А неофициально – Дядя Саша аккуратно его динамил на протяжении последнего полугода, буквально с первого визита дона Хосе в наш форт. Нет, внешне все выглядело вполне прилично и пристойно, никто не вставлял падре палки в колеса, его агентура совала всюду свой нос. Вот только майор частенько бывал занят неотложными делами или попросту отсутствовал в форте. Еще одной причиной было слабое знание нами испанского, из-за чего все предыдущие встречи проходили в присутствии переводчика, что не способствовало приватности. Благодаря занятиям в нашей «вечерней школе» данный вопрос мы благополучно решили, хотя и не блистали изысками кастильского или иного диалекта увядающей империи. Раньше дону Хосе никак не удавалось поговорить с ним наедине. А потребность в этом, судя по всему, у него имелаась. И не маленькая, насколько мы могли оценить.

Так что уже на следующий день наша теплая компания принимала визитера.

Падре, надо отдать ему должное, ничуть не смутился, уви-

дев на этой встрече еще и меня. Ох, знает кошка, чье мясо съела!

Бытовые вопросы мы утрясли достаточно быстро, к вящему удовольствию собеседника. Представляя общее направление его интересов, командир перешел к деловой части беседы и сразу предложил дону прозондировать почву в окружении вице-короля на предмет подготовки воинских частей нового типа.

Если он сможет правильно подать идею, мы немало поспособствуем повышению его авторитета перед непосредственным руководством. Да и увеличение, в перспективе, количества прихожан должно было греть ему душу. Так что уж с этой-то стороны он нам должен будет проставиться, и основательно!

Однако же имело место быть и еще одно руководство нашего дона Хосе, и вот тут его успехи были уже не столь очевидны. Именно эта причина и сподвигла падре на такой отчаянный шаг, как прямая беседа с майором. На языке разведки это было недвусмысленное «приглашение к танцу». Тянуть с этим более не следовало...

Закончив официальную часть разговора, командир предложил нам всем слегка расслабиться. С этой целью был организован кофе, совместно с различными настойками, вкусовые качества которых наш гость весьма и весьма оценил во время прежних визитов, правда, не в такой представительной компании.

– Как руководство оценивает ваши успехи за последнее время, дон Хосе? – поднося к губам чашку, осведомился командир. – Не получится ли так, что, принимая их во внимание, вам предложат более высокий пост, нежели существующий?

– Все в руках Господа... – разводит руками иезуит. – Такой поворот событий вполне возможен.

– Жаль! – искренне сетует Дядя Саша, разглядывая закат. – С вами-то мы вполне сработались, еще с первых дней. А вот кто приедет вам на замену...

– Ну, вам-то, сеньор майор, о чем сожалеть? Уж если вы вице-короля сумели заинтересовать так, что он готов прислать сюда весной своего весьма приближенного чиновника... то со скромным служителем Церкви... да и нужно ли это вам *теперь*?

– А вы обидчивы, дон Хосе!

– Увы, сеньор Алехандро, сие вольнодумство мне недоступно... служитель Церкви должен быть выше мирских помыслов.

Сергеич поставил чашку на стол и повернулся к собеседнику всем телом.

– А вот тут, падре, я вынужден с вами не согласиться. Тем более что иные, на первый взгляд также несвойственные скромному священнослужителю, помыслы у вас присутствуют полной мерой.

Дон Хосе также ставит чашку на стол.

– Я... не понимаю вас, сеньор майор. Что вы хотите этим сказать?

– Видите ли, падре, – беру слово уже я, – нам с самого начала показались странными некоторые... э-э-э... не до конца известные прочей публике фрагменты вашей биографии.

– О чем это вы?

– Ведь ваш отец служил начальником стражи в замке Святого Ангела? Ведь так? Согласитесь, что это неплохое место, чтобы обеспечить своему сыну должное положение в обществе, не так ли?

– Возможно...

– Однако этого не произошло... и даже более того, я склонен полагать, что именно занимаемая им должность и послужила причиной его столь странной и несвоевременной смерти. А также явилась основанием для того, чтобы его сын оказался именно здесь, достаточно далеко от серьезных событий. И без возможности принять в них участие.

– А откуда, позвольте вас спросить, вообще взялись основания для таких, я бы сказал, весьма сомнительных выводов? – переходит в контрнаступление падре.

– Брэк! – поднимает обе руки майор. – Позвольте вам напомнить, сеньоры, что здесь все-таки собрались хорошие друзья, а не противники. Основной задачей которых является тяжкий труд, во имя вящей славы Господа нашего. Я прав?

Удивительно, но смысл команды «брэк» мы с доном Хосе понимаем совершенно одинаково, хотя для него сейчас это

слово означает род экипажа. Синхронно киваем.

– Отлично! Теперь позвольте мне на правах хозяина дома внести некоторую ясность. Вы не возражаете?

Снова последовали согласные кивки.

– Прекрасно! Так вот, дон Хосе, я не требую от вас признавать вслух правоту некоторых утверждений сеньора Серджио. Равно и вы, как я надеюсь, не станете требовать от него публичного подтверждения некоторых фактов... Такое положение устраивает всех?

Мы опять выражаем свое согласие.

– Так вот, дон Хосе. Отрицать или признавать вашу принадлежность к известному Ордену, я полагаю, нет необходимости?

– Нет, сеньор Алехандро.

– Примем за аксиому то, что мы с сеньором Серджио в этом уверены. Так вот, хочу вам заявить, что мы *все* не разделяем официальную позицию папского престола относительно его указа *Gravissimis ex causis*.

Опа!

А иезуит-то дрогнул! Руки его сжались на подлокотниках кресла.

– Более того! – продолжил Дядя Саша, от взгляда которого также не укрылась последняя деталь. – Мы не согласны и с иными, столь же важными указами, определившими дальнейшую судьбу многих членов Ордена, да и в конечном итоге – его собственную. Я также склонен полагать, что дея-

тельность этой организации продолжается и поныне.

Взгляд падре стал ледяным.

– В том числе – и в этих местах... да и во многих других, в том числе и в тех, откуда мы прибыли...

Ну, если хитрый дядя и эту наживку не заглотит...

– Это только ваши догадки – или... – голос падре внезапно охрип.

– Не догадки. И не обязательно наши. Иными словами, – командир вдруг стал серьезным, насколько это только было возможно, – мы предлагаем вам союз.

– Мне?!

– Пока лично вам, дон Хосе! Насколько я осведомлен, решения за Орден вы принимать не уполномочены, если только не являетесь Генералом! – нашему визави, несмотря на всю его выучку, заметно поплохело. Для любого постороннего в эти времена внутриорденская иерархия и порядок принятия решений были тайной за семью печатями. Если мы так свободно говорим на такие темы – то кого же на самом деле представляем, и какое отношение имеем к полулегальным сейчас остаткам Ордена? Вот же задачка ему на ближайшее время... Да и как воспринимать присутствие здесь столь осведомленных людей? Кто их сюда прислал и зачем? Сами по себе такие гости не приходят. – Вы согласны довести наше предложение выше по инстанциям?

Дальнейшая беседа касалась таких моментов, что никакой бумаге их содержание доверить было нельзя, поэтому буду-

щим читателям этого дневника придется смирить свое любопытство. Могу только упомянуть еще один эпизод из последовавшего разговора.

– Падре, не сочтите за... – так и хотелось сказать «наезд», но пришлось выбирать более подходящее эпохе выражение, – нескромность, но начало нашей беседы как-то не вяжется с вашим летним решением разрешить племяннице переселиться на нашу территорию. Вы же не могли не предположить, что мы проявим законный интерес к прошлому людей, с которыми контактируем. Особа она хоть и не легкомысленная, жизнь вдали от Родины многому ее научила, но правильно заданные вопросы не всегда даже требуют прямого ответа. Уж в искусстве ведения таких разговоров ваша организация приобрела колоссальный опыт, и вам не надо объяснять подобные тонкости. Признайтесь, дон Хосе, таким образом вы пытались проверить, насколько мы укладываемся в привычные рамки искателей приключений или, наоборот, выбиваемся из них?

– Вынужден с вами полностью согласиться, сеньор Серджио, – теперь, когда почти все точки над «і» были расставлены, дон Хосе, что называется, слегка отпустил вожжи. – С первой же нашей встречи я отметил у вас и остальных обитателей форта весьма любопытные особенности. При всех различиях, которые присутствуют между вашими людьми, кроме поразительной внешней молодости, так не сочетающейся с парадоксальными, но оказывающимися верными решения-

ми и поступками, у вас слишком много общих качеств. Объяснить наличие и происхождение которых я пока не в силах, настолько они отличаются от всего виденного мной в жизни, которая не баловала меня однообразием впечатлений.

«Интересно он заговорил, совершенно не похоже на обычную его манеру. Неужели до такой степени успел проникнуться духом грядущего, который, как его ни прячь, нет-нет да и прорывается у каждого из нас?»

– Раз уж я ответил, как умел, на ваш вопрос, то, может быть, и вы снизойдете к вполне понятному любопытству с моей стороны?

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Спрашивайте, падре.

– Почему название форта выбрано именно такое – «В вихре времен»? И что именно символизирует ваш герб? Согласитесь, очень непривычно выглядит сочетание инструмента мыслителя, поэта или писателя – гусяного пера и, простите, грубого мужицкого топора. Я уже не говорю про сочетание цветов, которые мне не приходилось встречать ни в одном геральдическом справочнике.

Хорошо, что к этому моменту мы уже изрядно приняли «на грудь» фирменной настойки Всеслава. Поэтому наша совместная, созданная буквально «в одно касание» с Сергеем, версия происхождения названия и герба прокатилась. Вот теперь не забыть бы, что мы тогда напридумывали, и строго-настрого внушить ее остальным для внешнего, так ска-

зять, употребления.

Остается только сказать, что празднование дня рождения Лолы назавтра прошло без каких-либо накладок. Некоторое удивление дона Хосе вызвал только набор цветных карандашей в серебряном корпусе с хитрыми наполнителями, которые подготовили наши химики. По словам падре, ничего подобного ему ранее не приходилось видеть даже у коронованных особ, при посещении двора вице-короля. Но особо докапываться он не стал, так как время не располагало к затяжным расспросам, на носу было католическое Рождество, которое он по должности обязан был встречать в миссии, а до нее надо было еще успеть доехать.

Расстались мы довольные друг другом. Иезуит отбыл, увозя в своей голове идеологическую мину замедленного действия, которую мы совместными усилиями туда заложили. Надеюсь, что результаты ее срабатывания мы успеем ощутить еще при нашей жизни...

Глава 3

Ирина

В стеклодувной мастерской, вечером. За окнами красиво догорал закат, быстро смеркалось, а я печально сидела рядом со своим рабочим местом на табуреточке и разглядывала некондиционный продукт нынешнего рабочего денечка в корзине для мусора – больше тридцати штук (!) стеклянных шаров малого размера, странно изогнутых загогулин-спиралек, и кучка стеклобоя. Изначально же планировалось совсем другое – пробирки, колбы лабораторные, лабораторные палочки и пипетки. Вообще-то весь заказ от химиков уже сделан – нормально отожжен, проверен на предмет дефектов, аккуратно промыт, высушен, сложен в коробки с ячейками из картона и ждет в кладовке на стеллажах, когда за ним придут.

Но вот что делать с этим всем, не представляю. Конечно, можно, как обычно, переплавить в печи, получив обычную стеклянную массу – со стеклобоем, самыми кривобокими шарами и спиральками так и будет. Но вот почти идеальные по форме шары бить совсем не хочется. Ведь так аккуратно выдувала через специальную трубку, тщательно стараясь не дать перекося – когда вращается трубка для выдува-

ния, есть опасность, что стенки изделия могут изогнуться и даже слипнуться. Тогда изделие идет в брак. Я все-таки не профессиональный мастер-стеклодув, а простой любитель. Многих приемов и хитростей просто не знаю. Да и практики не хватает – всего-то несколько месяцев, как выдуваем стекло для нужд наших химиков. А тут еще ведь и Новый год на носу. Нет, однозначно – стеклянные фиговинки пойдут на украшения!

В тамбуре послышалось шарканье подошв о самодельный коврик.

– Кто там?!

– Я!

– Я – это кто?

– Это Катя к вам пришла, в дом снежинок принесла! – в помещение ввалилась раскрасневшаяся со свежего воздуха Катруся. – Что сидишь скучая, красная-а девица, голово-ой качаешь над своей рабо-отой!

Я аж потрясла пальцем в ухе, настолько мощно спела последний куплетик сестра.

– Кать, ну ты даешь! Не слишком ли громко?!

– Да ну, подумаешь. Так что ты тут сидишь? Темнеет же, да и ужинать скоро.

– Да вот, размышляю – как исхитриться переделать стеклянный брак в новогодние игрушки...

– Ну-ка, покажи... Ого, сколько тут!

– Стеклобой и некрасивости я в мусорке оставлю.

– А эти кругленькие? С отверстием сверху? И спиральки?

– Попрошу в лаборатории покрасить их напылением – сперва изнутри, чтобы получилась непрозрачная поверхность. По-моему, там нужен какой-то из оксидов серебра. Потом надо будет шары украсить разноцветными рисунками и покрыть лаком... Если, конечно, я ничего не напутала. Про игрушки эти, ну, как их делают – я слишком уж давно читала.

– А потом что? Как их на елку вешать будем?

– А потом запаяем-заплавим отверстие и сверху приплавим ушко – за него и будем вешать.

– Неплохо. Давай тогда сейчас быстро все выберем, сложим вон в тот квадратный короб и отнесем нашим химикам. На все про все четверти часа нам вполне хватит.

Где-то столько мы и провозились. Катя наконец осторожно взяла короб в руки и ушла во двор. Мне же осталось проверить, затушены ли печки, да закрыть за собой дверь...

31 декабря 1790 года

Всеслав

Когда зимний вечер
Уснет тихим сном,

Сосульками ветер
Звенит за окном,
Луна потихоньку
Из моря встает
И желтым цыпленком
По небу плывет.
Над фортом струится
Дымок над трубой
На берег ложится
Холодный прибой,
Среди чапаралья,
Под зимним дождем
Мы лосевку квасим
И дедушку ждем.
Ах, где же ты наш,
Дорогой Дед Мороз?
Что ты нам сегодня
В подарок принес?
Оттуда, где сказка,
Где – сказка сама –
Красавица русская
Бродит зима!
У нас в Калифорнии
Елочек нет,
Есть синих небес
Ослепительный свет,
Есть много индейцев
И диких зверей...
...Давай, Дед Мороз,

Приходи к нам скорей!

Из дневника Сергея Акимова

Сестры очень вовремя придумали использовать отходы стеклотрувной мастерской для изготовления новогодних украшений. Для поисков привычной елочки, которой здесь редко бывало «холодно зимой», пришлось снаряжать небольшую поисковую партию. Она за пять дней обернулась до ближайших гор и обратно. Что поделать – на побережье преобладали лиственные породы и это недоразумение под названием чапараль.

Больше полугода мы живем в этом времени, дата вроде совершенно не круглая, но праздник есть праздник, так что отмечать его мы собирались от всей души. Без того разгула, как было принято среди гламурной тусовки в нашем родном две тыщи десятом, а вполне достойно, по-семейному. Ведь кроме уже приличного количества нашедших себе здесь вторую половину – а что вы хотите, вернуть снова двадцать, тут уж гормоны о себе напомнят, – мы постепенно стали ощущать себя одной большой семьей. И наплевать, что кто-то оказался в теле испанки или англичанки, не говоря уже про индейцев! Душа-то ведь у каждого осталась русская. Именно русская, пусть и жили многие из нас после Беловежского предательства в самостоятельных государствах.

Что рассказывать – хорошо посидели. Всего хватило. И тостов, и песен с танцами, благо погода пошла нам навстречу

и позволила устроить гулянье под открытым небом, не заставляя тесниться в малопригодной для этого действия штабной избе.

Приказом по части два дня были объявлены выходными. Кроме этого, чуть с запозданием, но был узаконен обязательный выходной после шести рабочих дней. А то народ так втянулся в экстремальное выживание, что даже ранние, по нашим меркам, сумерки не всегда загоняли некоторых трудо-голиков в постели.

Два праздничных дня пролетели незаметно, и мы снова вернулись к уже привычным занятиям. Планов было необъятное количество, осталось только выполнить их. Впереди целая жизнь...

Глава 4

Январь 1791 года

Котозавр

– Я боюсь за свою душу! Миссис Смайли – ведьма! Она варит дьявольские зелья, травит ими лягушек, а потом заставляет пить меня. В первый раз я мучился животом несколько дней, и из меня лезли черви, от других зелий еще хуже: или лежу, не могу пошевелить ни единым членом, или душу вышибает из тела, и вокруг демоны танцуют.

Узнаваемый стиль. Потом, гораздо позже, в разговоре с командиром, Улыбка Енота – ну очень трудно мне называть молоденькую индианку мамой! – сформулировала свою жизненную позицию.

– Мой гуманизм имеет крайне малый радиус действия и высокую избирательность. Клятву Гиппократ я не нарушала: вреда не нанесла. Конец цитаты.

Впрочем, до разговоров было далеко: переселить маму к нам оказалось нелегко. Во-первых, на ней висела ответственность – и мне пришлось вдоволь помотаться по округе, ища

племени хорошее, незанятое место. Потом договориться с остальными союзниками о принятии и ненападении. Потом уговорить новообетенную родню – а им и там было неплохо, на фига куда-то ходить. На сладкое – уговорить индейцев, чтоб отпустили Улыбку жить у нас. Последний пункт был насквозь коммерческим – за очень нужную ученицу шамана, которая полезна, но своими странными идеями всех заколебала, вождь торговался увлеченно. Причем если за девушку сторговались относительно быстро, то выкуп за Джонни оказался предметом очередного спора. Вождь не хуже современных мне генералов просек выгодность «универсального солдата удачи» – под чутким руководством хозяйки тот и гончаром работал, и печником, и дрова обеспечивал, и огород мотыжил. С огородом – отдельная хохма. Собственно концепцию земледелия индейцы сочли блажью, и мама чуть не огребла, когда закупились в миссии бобами и зерном вместо ткани, железяк и бус. Спасли ее лекарские навыки: незадолго до шопинга Улыбка Енота сумела диагностировать и снять у вождя дружественного пайютского племени – того самого племени, чей шаман так неудачно послушал Баха – сердечный отек. Дядька совсем уже собирался в Страну Вечной Охоты, но мимопроходящая шаманка остановилась на пару дней и, наделав экстракта наперстянки, проблему решила. Заодно наслушалась рассказов про то, как наш священник безнаказанно убил участника переговоров – а как еще понять рассказ про «шамана розовых людей»? Гонорар

от вождя и неожиданные познания дали чуть авторитета – хватило как раз, чтоб продавить помилование пленного и переселение подальше от агрессивных пришельцев. Повторюсь, огород был сочтен блажью, но не опасной – пусть развлекается, с ней, по общему мнению, кажись, духи говорить начали. Но тут, как говорится, «масть поперла»: повадились ходить на грядки кабаны и примкнувшие к ним индейки, в рассуждении чего сожрать. Ради горсти зернышек эти божьи твари могут перекопать все, что попадется. Потеряв треть посевов за два дня, Улыбка организовала круглосуточное дежурство охотников – для побитого жизнью племени это оказалось очень удобно. Зверь приходит сам, посуду делает специально обученный трофей, бабы, заинструктированные шаманкой до полусмерти, начали соблюдать асептику, принимая роды (самой акушерствовать нельзя: роженица и ребенок беззащитны перед духами), и выживаемость младенцев в сезон стала заметно выше. А женщины вообще выжили все, что необычно. Вот таких ценных кадров и пришлось выменивать.

Через две недели после нашей встречи и произошло общее знакомство, буднично: утром у КПП появилась процессия – мама, Енот, солдат, двое братьев (мои дядюшки, получается?) с пожитками в плетеных коробах. Первым делом представилась Дяде Саше – все чин чином.

– Капитан медицинской службы Мысловская Наталья Николаевна. Прибыла.

Командир уважительно пожал руку и громко произнес в пространство, в расчете на многочисленных зрителей:

– Учитесь, р-р-разгильдяи! – и уже маме: – Добро пожаловать.

Мышь – так мама звала англичанина, явно намекая на его лабораторную судьбу, был преисполнен стокгольмского синдрома: от перевода на лесоповал или еще куда отказался наотрез, приказов ждал с нетерпением, работал ударно. Пока камрад Снейк, гы-гы, делал вид, что дружески беседует, проводя первичный опрос, и выдавал детские джинсы с футболкой – а какие еще на женщину ростом сто пятьдесят один сантиметр? – в медицинском секторе уже расположилось типпи, барахло разложено, а Мышь стоял, преданно поедая глазами начальство. Был отправлен в распоряжение Елены – для окончательного разрыва шаблона: белая женщина, но тоже в штанах, и тоже командует! Это он еще Марину не видел... А Улыбка Енота – предложившая называть себя Яга – просто Яга, без «Бабы», моментально познакомилась с Шоно, с Еленой, и поделила свое время между медициной и химией.

На первичной аттестации у начмеда мама выбрала себе фронт работ согласно умениям и предпочтениям. В целом одоблив санитарно-гигиеническое состояние форта, она занялась глистными инвазиями у пленных: «не фиг добро на говно переводить». Те думали, что хуже первичной санобработки – с бритьем всего тела, уже и быть не может. Наивные.

Мышь был удовлетворен чуть менее чем полностью: не просто так страдал, а для людей.

Заодно Яга наладила производство душистого мыла. «Ассирийское»: жировые остатки плюс зола, прокипятить, отфильтровать – пленные делали себе сами, благо затраты почти никакие. Хозяйственное тоже варили успешно. Теперь же в техпроцесс твердого мыла добавились травяные отвары и малость пляски с бубном – не так все просто, и наконец наши цивилизованные привереды вздохнули с облегчением: запасы иновременного мыла уже закончились, а привычки – нет. Удалось сделать неплохой зубной порошок, а с помощью Зануды – приличные зубные щетки из вываренной свиной щетины. Потом – на стыке медицины и химии – занялись экспериментами с кишками молодых оленей, пытаясь получить шовный материал, и с конским волосом – в тех же целях. Еще одна голова и пара рук пришлись очень кстати в обеих темах: институтские знания и навыки, полученные на лабах по органической химии, были крайне востребованы. Все-таки крепкая советская школа, когда учили делать самостоятельно почти все – аналитику, органику, синтез, фармацевтологию, не зная страшных слов «прекурсоры» и «как бы чего не вышло». Причем эти знания отличнейше легли на знания полученного тела: индианка превосходно знала все местные дикоросы, а Яга – как извлечь из них максимум. Шаманке было доступно, и то условно, только изготовление настоев, отваров и сушка, а что еще сделать, не имея даже

котелка, а только промазанную корзинку, в которую надо кидать накалинные камни? А ведь активные компоненты бывают еще спирто-жиро-кислоторастворимые и при обычном кипячении не экстрагируются или разрушаются. С той же наперстянкой для вождя получилось удачно – не имея возможности правильно очистить, Яга выдала ему лекарство, посчитанное в Лягушачих Единицах. Не фиг ржать – совершенно официальная фармацевтическая единица измерения. И считать надо было точно, небольшая передозировка сердечного гликозида убивает пациента с гарантией.

Всеслав

М-да, вот уж не думал, что на второй молодости лет стану... Нормально так – сто сорок восемь эков, тридцать моих индейцев в охранниках, шесть индианок в поварах, Курбаши на связи и я, любимый – кумом. Для полного счастья не хватает телогреек с номерами, вышек и колючки... ну да, воздвигли мы ударным трудом английских пленных два барака-полуземлянки, столовую они же оборудовали, больницу, построили их в две шеренги – и Дядя Саша произнес речь на предмет того, что за грехи надо бы отработать, план – закон, выполнение – долг, перевыполнение – честь, кто работает хорошо, тому усиленная пайка – и вот вам начальник. И меня вытолкнул. Блин, я ж по-английски только «фак» знаю! Ну, прочитаю-то что угодно, а вот от произношения ихнего –

натурально плющит.

Это так командир мне за доброту мою отплатил, и за предновогоднюю планерку. Факт, я там оттянулся, камрад Зануда даже тихо аплодировал. Ну какое, на фиг, золото по зиме? Народ не из Сибири, явно не мерз ни разу. Каменный уголь по карте километрах в тридцати можно открытым способом разрабатывать! Не замерзнем зимой – летом хоть что делать будем. Хотим – золото добывать, хотим – железо... железо нужнее, золото для нас сейчас вредно. Нас с индейцами вместе – всего четыреста сорок восемь по данным переписи, включая женщин, детей, стариков и песика Гарма. Спалимся на хорошем месторождении – и нас стопчут чисто массой!

Зэки мои – моряки. Солдатики, которые живые остались, мы от греха подальше отвели в холмы, почти на границу пустыни, сунули уцелевшему офицеру компас со словами: мол, вон там на три лаптя левее Солнца – Нью-Амстердам, выдали по ружью и пять зарядов на пятерых, и отпустили. Сомневаюсь, что дойдут. Но совесть чиста, у меня так устраивать массовое убоище рука не поднялась бы... Большой Медведь, правда, был в недоумении сначала, но после моих объяснений проникся к нам еще большим уважением – это ж надо, такую жестокую месть придумать, отправить голыми и босыми через земли равнинных племен, каждый пятый скальп – призовой... в общем, морячки попали. Копают от рассвета до заката, с перерывом на обед и общие с охраной занятия.

Русскому языку учу и тех, и других. Русский матерный в довольно широких пределах они уже освоили... ну и с индейцами отдельные занятия вечером, кто от караула свободен – фехтование, тот же язык, стрельба, тактика, взаимный мордобой. По весне обещают лошадей, будем верховую езду осваивать. Раз в десять дней – выходной. Вчера был. Стирались, мылись и т. д. Я в стойбище съездил, потом в баню в лагере сходил. Поймал там Клима, который с англичанским наречием дружит, попросил прочитать с файла, выучил, вроде стало получаться... Сейчас проверим. Семь ноль-ноль, подъем, однако. Глухо гудит деревянное било, индейцы у бараков орут: «На расс, фодэ, урка! Таа послетнекоо, bliad!», англичане строятся побригадно – все как положено, орднунг, однако. Сажусь на коня, выезжаю перед строем.

– Великий вождь Хитрый Лось, пленные для работ построены! – докладывает на нуму дежурный по лагерю. Ничего, к весне начнут говорить нормально.

– Первая, вторая, третья бригада – направо, копать дорогу! Четвертая бригада – заготовка камня! Пятая бригада – заготовка кустарника! Вперед! – руками показываю, кто куда... нуму разбирают подопечных, я еду с теми, кто дорогу строит сегодня. И вот – время прикола, время мечты, которая сбылась! Начинаю:

– Специально для вас, граждане заключенные:

Take up the White Man's burden –

Send forth the best ye breed –
Go, bind your sons to exile
To serve your captives' need;
To wait, in heavy harness,
On fluttered folk and wild –
Your new-caught sullen peoples,
Half devil and half child.¹

Елена – Сара-Энн Годдард

Всё. В конвои больше не хожу. Приятно, конечно, размять ноги вне форта, но конвоировать пленных... Не мое это дело. Времени прошло совсем немного, но пообноситься англичане все-таки успели основательно. С чего это так расхвалено было в восемнадцатом веке английское сукно? Мой комбез защитно-пятнистой окраски пережил и химические экзерсисы, и опыты с порохом, и бой с англичанами, переживет и многое другое. По крайней мере, в кучу драного тряпья превратится еще не скоро. А эти выглядят так, будто наша Шпанка по ночам без усталости точит о красные камзолы свои внушительные коготки. А потом Гарм довершает дело своими жуткими зубами.

¹ Тяжело бремя белого человека – / Отправить вперед лучших сыновей / – Иди, связать твоих изгнанных сыновей / Служить ваши пленные должны; / Ждать, в тяжелой упряжи, / Трепеща перед народами и природой – / Куда ты попал благодаря чужой воле, / Наполовину дьяволом и наполовину ребенком.

Что-то пушистое теранулось о мои ноги.

– Шпана, а ну брысь домой!

Вредная любительница жевания проводков от ноутбука команду проигнорировала. Мявкнула тихонечко и, гордо здоров до одурения пушистый хвост, распутившийся на ветру, как флаг, зашагала параллельным курсом.

Ну и что ты будешь с ней делать?

– Салли?

Я далеко не сразу сообразила, что обращаются ко мне. Точнее, к Саре-Энн. Индеец-конвоир замахнулся на кого-то палкой, но я остановила.

– Кто меня звал? Пусть выйдет сюда.

Ага. Худощавый субалтерн лет примерно двадцати, и такой же блеклый... как и его старшая сестрица Сарочка.

– Здравствуй, Джимми, – ровным голосом сказала я.

– Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Как и я тебя.

– Эй, – послышался недовольный голос Хитрого Лося – Большого Друга Индейцев – это кто там колонну задерживает?

– Я. Слушай, мне тут с этим типом парой слов перекинуться бы – все-таки брат.

– Надеешься вербануть? Ну-ну, Бог в помощь...

На всякий случай он оставил со мной одного индейца – мало ли что. А я отвела «брата» к бревнышку, удачно лежащему на солнышке, мы присели... и долгих пять минут про-

сто молчали. Я, честно говоря, не знала, что сказать. Жизнь Сары-Энн до моего в нее, гм, попадания вспоминалась с каждым днем все реже и хуже. Я и Джима Дэвиса-то признала только потому, что брат и сестра были очень дружны. А он... Он просто не узнавал Сару-Энн. Естественно: перед ним была только ее физическая оболочка, притом очень сильно отличавшаяся от того, что он помнил. А вы говорите – материя первична...

– Ты изменилась, сестренка, – негромко сказал он, рисуя прутиком на земле какие-то закорючки.

– А ты остался таким, каким и был, – я подвела итог сравнения памяти Сары-Энн с увиденным зрелищем. – Все тот же солдат империи.

– Что тебя связывает с этими русскими? Ты же англичанка, муж твой англичанин.

– Верно, Джим. У меня еще брат англичанин, папа и мама англичане, бабушки с дедушками как будто не французы и так далее. Что с того? Я должна тебя отпустить?

– Не кипятись. Почему ты, вооруженная, конвоируешь своего безоружного брата пилить деревья? Почему русские верят тебе?

– Мы с Джонасом пришли к ним с миром. Ты пришел с войной. Вот тебе и разница, братик.

– И... никаких ущемлений?

– Джим, – серьезно произнесла я, не спуская палец с курка – тоже, мало ли что. – Всех, кто приходит к русским с ми-

ром и признает их общественные законы, они считают СВОИМИ. Здесь полно индейцев. Может, кто-то из пленных тоже захочет стать одним из нас. При условии беспрекословного соблюдения местных законов и верности окружающим людям стать своим – не проблема. А вы... Тебе рассказать, что за могилка там на холме, или сам догадаешься?

Джим молча кивнул. Он знал, кто и почему там лежит. Даже знал содержание эпитафии на дощечке.

– Вот именно, – продолжала я. – Когда вы приходите, кругом начинается ад. Любой, кто не белокож, не голубоглаз, не протестант и не говорит по-английски, для вас – не человек. Его можно безнаказанно ограбить, убить, его жену и дочерей пустить по кругу – так это у вас на флоте называется, да? Зато, когда «недочеловеки» задевают интересы Англии, вонь стоит по всему миру. Если Англия не может своими силами стать владычицей морей, эти силы надобно выкачать из других. Дешево и сердито. Только уверяю тебя, братик, умные люди даже в самой Англии видят в этой политике ее гибель.

– Уж не ты ли это? – грустно усмехнулся Джим. – Помнится, матушка называла тебя «моя глупышка».

– Тебя она называла «маленьким рыцарем» и была права. Ты таким и остался – идеалистом, витающим в облаках. Спустись на землю, а?

– Я... не узнаю тебя, сестра. Что с тобой произошло?

– Начиталась умных книжек и поговорила с умными людьми.

– Папенька всегда говорил тебе, что читать вредно.

– Папенька еще и курил, как вулкан Везувий – это ли пример для подражания подросшей дочери?

– Ты, оказывается, всю жизнь хитрила.

– Знаешь, какой надо быть умной, чтобы притворяться душой? Ага, оно самое... – второе предложение я добавила по-русски.

Еще минут на пять повисла неловкая тишина. Потом Джим медленно, словно нехотя, встал с бревна. Бросил прут.

– Веди меня в колонну. Надеюсь, мы их нагоним.

– Ты подумал бы над моими словами, – я тоже поднялась – и за моей спиной тенью вырос индеец. – Толковые люди нужны везде и всегда, а благодарность Англии, если оглянуться в глубь истории, всегда была похожа либо на подаяние, либо на оскорбление.

– Лавры Уолтера Рэйли мне не светят, – иронично ответил «братик».

– Зато есть огромный шанс сгинуть без следа – если не в этих степях, то в тюрьме. А что? Ваше поражение очень легко перепишут в дезертирство, и прощай пенсия.

Пагубная практика таких вот «изысков» Джиму, конечно же, была известна. Но дух «рыцаря» все еще цеплялся за розовые очки.

– Мы, англичане, привыкли уповать на родину, – проговорил он. А я, кстати, уловила в его голосе тоненькую, дро-

жашую струнку сомнения.

— Как и родина на нас. Только, поуповав, добычу она делит как-то очень избирательно. Не так ли?.. Ладно, идем, а то этих бегунов хрен догонишь...

Всеслав

Сегодня довели мы дорогу (ну, как дорога? более или менее внятная колея с отсыпкой, где надо, мостами через речки, хорошо хоть крупных не попало), тремя временными стоянками, где лошадок сменных держать будем, до угольного разреза, которого, кстати, еще нет, построили, опять же, бараки-полуземлянки, помещение для охраны, кухню, баню, отхожие места... Дикие люди, они, оказывается, у себя там, в Протопиндостане, гадили где попало, долго удивлялись, зачем отдельную будку строить для такого дела...

Потерь — восемь человек зэка и один нуму. Трое померли от воспаления легких, вовремя мной незамеченного. П-р-ридурки. Каждому выдано было по шкуре и предложено утепляться. Не смогли. Одного лесинной придавило, двух пришлось показательно повесить, ибо не фиг на поварих набрасываться с хамскими целями, один застрелен при попытке к бегству, один отравился какой-то местной травкой в процессе добирания рациона. Индеец как дурак погиб — полез с пальмой на местного медведика без необходимого уровня подготовки, спасать было нечего, зато имелось зверское же-

ление написать «Идиот» на сиротливой могилке.

М-да, проблема. Маркшейдер еще не приехал. Я уголь-то вижу, но надо ж правильно разметку участка сделать, работы организовать и все такое. Придется объявлять выходной.

– Граждане бандиты! Выходить по одному, лопаты на снег, руки за спину! – нет, это из другой оперы. Хорошо хоть не сказал. Лучше уж нормально, не вспоминая безвремен-но к нам не пришедших. – Заключение! Сегодня объявляю выходной! Четные бригады – заготовка дров, нечетные – воды, в полдень – баня, потом можете спать! Охрана! Проследить за выполнением.

Расходятся. За два месяца элементарный русский выучить можно, при желании и правильной мотивации, конечно. Ну, им не стихи писать, в конце-то концов... хотя при-кольно может получиться, гы-ы...

Вертухай нас гнали
Средь ветвей чапараля,
И устало дрожали
И нога, и рука,
И крутыми холмами
Уходил от погони
Морячок с Бирмингема,
Или просто – зэка.

Но этого я не допущу. Шансон будем душить в зародыше, хватит им и строевых песен, с которыми они на работу ходят.

Брат Изгнавшего Медведя, сегодняшний старший по караулу, подводит ко мне англичанина.

– Хитрый Лось, этот розовый хочет что-то тебе сказать, – для пущей жути я со своими на нуму общаюсь.

– Пусть говорит.

– Говв-ари, мор-да!

– Джон Блэк, два бригада. Граждаанайн нашалник, есть квесчен, вапроус, расрешитэ?

– Разрешаю.

– Ми есть не знат, коуда можно кушат мясо, коуда ноу, нет.

– Пост, что ли? Так вы ж его вроде не соблюдаете? Свобода попугаям, можете мясо не жрать, кушайте рыбу, когда будет.

– Ми есть хотеть молить Год вместе. Но ми не знайт, какоу ден.

– А что, к Богу надо обращаться строго по графику, Джон? Молитесь, когда хотите. Но только после работы...

– Есче вапроус. Какой вера вы?

Показательно крещусь – троеперстием, справа налево.

– Православный. Ортодокс.

– Оу, у вас сильный вера!

– Ничего, приедет наш священник, пастор наш – можешь креститься. Хоть на человека будешь похож. Свободен!

Что-то не лежит душа моя к вертухайству и кумовству. Нет, понятно, что мне легче с нуму договориться, я от них

недалеко ушел в своем развитии... но сейчас буду дощечку строгать и заявку писать на предмет освобождения меня и молодых индейцев от этой службы. Мне их нормально учить надо, и надо, чтобы зараза вседозволенности их миновала. Да и в школе поселковой преподавание биологии явно не на уровне. А еще хочу вымыться нормально, чая не из брусники и девок теплых. Лучше бы, конечно, невысоких голубоглазых блондинок. Впрочем, невысокие кареглазые брюнетки тоже сойдут.

Опа, со всеми этими делами я до кучи забыл, что через пару дней красный день календаря...

Глава 5

23 февраля 1791 года

Котозавр

– Все расселись, всем видно-слышно? – Кобра стукнул по столешнице, затейливо украшенной киянкой-банхаммером, и рыкнул: – Хватит болтать, время идет!

Народ, умявшись и потолкавшись, кое-как расселся в штабной избе. Вот и вылез очередной косяк при строительстве форта: привыкли всё решать на ходу, все немногие сборища – под открытым небом, а когда стало холодно и мерзко – собрать всех попаданцев в одном месте и негде. Лавки, сундук, чурбаки заняли все доступное место, девушек рассадили частью на колени, частью на печку, я, согласно нику, устроился на шкафу, в обнимку с ноутбуком.

Дядя Саша попытался встать, но, будучи придвинут столом к бревенчатой стенке, махнул рукой и начал так:

– Тотальный сбор объявлен по нескольким причинам, кроме даты, которая так удачно совпадает с днем рождения Кости, – командир посмотрел в сторону Рысенка.

– Далее – нужно определить стратегию дальнейших действий и довести ее до *всех*, – он выделил последнее слово. – Заодно друг на дружку посмотрите, а то некоторые товарищи... скоро совсем одичают, по лесам и горам бегая. Для начала, Кот, доведи обстакановку на текущий момент и ближайшее будущее, в мировом масштабе, так сказать.

Уткнулся в записи и, приняв, насколько это возможно, сидя под потолком, позу докладчика, начинаю:

– В рамках выданного мне кровавой гэбней моторесурса ноутов, я полазил по учебникам и поспрашивал, кто из нас чего помнит про данное время. По умолчанию считая, что никаких глобальных изменений произойти не успело, начну с Америки: континентальная армия после войны за независимость распущена, ибо никому неохота в ней служить. В этом году создан Легион Соединенных Штатов, четыре с половиной тысячи контрабасов-добровольцев, служат по три года, штатно четыре полка под командованием генерала, все это – для войн с индейцами. Во второй войне за независимость, на которую США сами нарвались от немереного желания расшириться в Канаду, это двенадцатый – пятнадцатый годы, сухопутная американская армия бодро отгребала поначалу, «раки» даже Капитолий сожгли, только флот довольно прилично бодался с британцами, пару сражений выиграл. В конце четырнадцатого подписан мирный договор, в котором стороны разошлись на прежние позиции.

Европа: во Франции брожения, король Луи с супругой де-

лают все от них зависящее, чтобы с престола попасть на плаху. Где-то через полгода у них это получится. Наполеон пока амбициозный артиллерист, пару лет назад нанимался на русскую службу, но не взяли. Жаль. Блеснет в Тулоне, в девяносто третьем. В девяносто шестом получит пост командующего Итальянской армией, как свадебный подарок от Барраса – в комплект к Жозефине.

Россия воюет с турками и шведами. Туркам Ушаков и Суворов уверенно раздают пиндюлей при острове Тендра и Измаиле соответственно. А вот шведы после неудачного для России морского сражения при Роченсальме заключают ничью, хотя в ходе БэДэ им уже совсем плохо было. Матушка Екатерина, номер два, царствует, не очень здорова, но Аляску, вопреки расхожему мнению, продавать не собирается, за неимением объекта продажи в собственности. Об этом позже.

Дальше – Азия: англо-мансурские войны, акт третий – войска Ост-Индийской Компании со скрипом и стонами превозмогают Мансурское княжество, в девяносто втором так-ки победят, хапнув огромную контрибуцию. Но потом будет еще четвертая война.

Это дела нынешние и ближайшие, а далее может произойти следующее: Российско-американская кампания будет организована Шелиховым и Резановым – тем самым, из «Юноны и Авось», в девяносто девятом, но итоги деятельности грустные: слегка освоили Аляску, основали Форт-Росс, чуть

севернее нас, и не сумели обеспечить самих себя, несколько тысяч человек, продовольствием на землях, которые в последней трети века будут давать треть сельхозпроизводства всех США. Финал все знают? Правильно, Русскую Америку продали занедорого, чтоб не потерять бесплатно.

В восемьсот третьем Наполеон продает Штатам Французскую Луизиану, огромные территории между Мексиканским и Гудзоновым заливами. Что интересно, амеры были готовы заплатить десять миллионов за необходимый и важный для них Новый Орлеан с окрестностями, но им предложили четверть территории нынешних?.. будущих США – за пятнадцать. В результате покупка оплачена штатовскими облигациями, те перепроданы через банк «Братья Бэрингс», чистый доход Франции – восемь с половиной миллионов долларов. Неплохая усушка-утруска? Большие деньги, если забыть о сорока миллионах фунтов, что хапнул Ротшильд на биржевой панике имени себя и Ватерлоо. Потрачено на войны с очередной антифранцузской коалицией. Есть мнение, что продавать надо только Новый Орлеан, и за пятнадцать, все равно деньги пойдут против Британии, и вообще – Бонапарта стоит курировать и помогать – лучше него англичан напугал только Алоизыч.

– Чтобы он пораньше Москву сжег? – возмущенно крикнула Катя с печки.

– На этот случай метод Ли Харви Освальда, или Кадырова-старшего, рулит. Индивидуальный террор – наше все. Но!

Плавнo переходим к российским делам. Под конец царствования Павел I всерьез задружилсЯ с Бонапартом, в письмах рекомендовал корсиканскому худородному дворянчику принять корону. Отправил казаков в рейд на Индию, начал давать торговлю с Англией. И сразу помер, от апоплексического удара табакеркой. Его сынок Александр заявил, что «... при мне все будет, как при бабушке...», но при этом отменил только антианглийские и самые odioзные из павловских законов. А остальные оставил в неприкосновенности, то есть не считал батю полным идиотом, в отличие от пейсателей, и обиженных Павлом екатерининских вельмож. Есть мнение, что Павел, в начале царствования получивший плюхи от союзников – Австрии и Англии, которые четко и однозначно использовали русские войска в своих интересах, становится очень интересным для нас объектом влияния. Идеал – жесткая Франко-британская война, с оккупацией Острова и переделом колоний, а Россия в это время обдeldывает свои делишки.

– А Франция не станет слишком крутой в результате? – это уже Змей.

Пока я собрался с мыслью, Рысенок опередил:

– Вряд ли. Наполеон не терпел рядом с собой потенциальных конкурентов и гнобил их, не жалея сил. Генерал Моро тому примером. Кончится Наполеон – кончится Империя, сразу растащат. И мы поможем.

– Правильно, а всеевропейский бардак – в наших интере-

сах. Отдельной статьёй – Новая Испания, на чьей территории мы формально находимся. Колониальная политика Мадрида была похожа на политику всех остальных империй, основная цель – выкачать из колоний побольше ресурсов, драгоценных металлов в первую очередь. Колониям запрещалось торговать с иными государствами напрямую, производить виноград, оливки, коноплю и лен – чтоб не конкурировать с метрополией. Позже, когда амеры стали платить за скальпы, сообразительные индейцы Великих Равнин наезжали в Мексику, чтобы ободрать и ограбить безоружных местных. Мексиканские власти запрещали владение оружием, из опасения бунтов. Так что бедняки на крышах домов складывали кучи камней, для самообороны. Мексиканец с парой револьверов или винтовкой – это гораздо более поздний образ, времен Техасской войны и Панчо Вильи. Вернусь к нынешним временам: вице-король Хуан Висенте де Гуэмес Пачеко-и-Падилья! Во блин, выговорил... Падре его хвалит, начальство все-таки, но вот примечательно: когда в Мехико нашли ацтекский статуи какого-то бога, приказал отвезти его в университет и исследовать, хотя обычной практикой было объявить богомерзким идолом и выкинуть. Есть шанс, что гражданин мыслит прогрессивнее других. И вообще – относительно скоро, в десятых годах, начинаются мятежи новоиспанцев, под руководством сельских священников, кстати, а в двадцать первом происходит Мексиканская революция – под предводительством бывшего карателя, тех, первых повстан-

цев бывшего, и отделение от Испании. Резюмируя: мутной воды хватает по всему миру, половить там рыбку и мутить воду еще сильнее, мы сможем, не тормозя развитие здесь. Предлагаю: всем выйти, покурить, хлебнуть чаю, оправиться, потом Зубр доложит наши коммерческие успехи, а Хитрый Лось – про индейское казачество. Затем начинаем выдвигать безумные глобальные идеи. Командир?

– Полчаса на все. Арт, Змей – проверьте посты.

Через полчаса

Зубрилка

– Пока у нас нет достаточного количества золота, или товаров, простите за тавтологию, в товарных количествах, особей коммерции не наблюдается. Те сделки, что уже проведены, больше напоминают тусовку на какой-то барахолке, где шило меняют на мыло. Так, устраиваю бартер для поддержки имиджа и штанов. Нужна серьезная экспедиция на будущие прииски, не менее важна операция прикрытия. Для ее обеспечения уже проведены переговоры с доном Хосе, обещал поговорить с моряками, плавающими в Перу. Зафрахтуем с пяток корабликов, будут возить к нам поближе отходы тамошних серебряных рудников. Фиг с ним, что той плати-

ны там мелкие проценты, нам важно на первое время головы слишком любопытным задурить. Одна из шхун, или что там будет плавать, комплектуется надежным экипажем, возит нечто, доставляемое в порт как бы нашими подельниками из глубины сибир... э-э-э, перуанских руд. Под усиленной охраной и в другую точку на берегу. Оттуда груз доставляем в особо охраняемое место, где якобы добываем из привезенной руды желтый металл. Таким образом задуриваем вероятным любителям чужого добра головы, заодно легализуем будущее калифорнийское золото.

Основные торговые проекты будут реализованы только после выхода наших производственных мощностей на что-то подобное мелкосерийному производству. Есть хорошие перспективы для продажи бытовой мелочи, которые тут просто неизвестны или делаются штучно, по цене «Ламборджини». Оружие – отдельная статья, тут надо крепко думать, что делаем только для себя, а что пускаем в широкую продажу. Особо баловать предков хай-теком считаю излишним, если они не в доску наши.

Конкретные цифры командир и зампотылу уже знают, остальным это будет просто скучно...

– Кому как, – не утерпел Котозавр, – а мне вот интересно, что у тебя за циферки постоянно в бюджет попадают – пятнадцать миллионов, десять... Аляску собираешься выкупать?

– Заодно Луизиану, ты же сам только что об этом упоми-

нал. Только не все сразу, и не только за эти территории. О деталях те, кому нужно, в курсе. У меня на сегодня все.

Всеслав

– Кхм-кхм. Сейчас вспомню дедушку Леонида Ильича, мало никому не покажется... Как сказал мой звероящерный коллега – о делах наших грешных в области индейского казачества. Пока сделано мало – зима, товарищи, зима. Но сделано. Расписаны структура заставы, Устав казачьего войска в работе, активно изучаются обычаи наших друзей с точки зрения приспособить под суровые реалии казачьего быта. Организацию будущего войска планируется осуществлять поэтапно, сообразуясь с возможностями и обстоятельствами.

Этап первый. На основе воинов Длинного Дома, это холостые-неженатые сразу после посвящения, организуется отдельная рота пограничной службы. Численность – семьдесят человек. Она станет ядром будущего войска. Вооружение – трофейные карамульки, луки, пальмы. Уже сделано, сейчас мы с ними протопиндосов сторожим. Учат русский, отработывают навыки конвоирования и постовой службы.

Этап второй. Строительство заставы силами роты, посадка у огородов на момент приучения к земле и частичного обеспечения продовольствием. Патрулирование местности мобильными группами в пять – семь человек с целью обнаружения и при необходимости – пресечения вторжения сто-

ронных лиц, если сторонних лиц мало.

Этап третий. Разворачивание роты в батальон и далее. Но это – в будущем. Более подробно все изложено в письменном виде, дощечки два – сорок пять у камрада Кобры, ознакомиться может любой, имеющий допуск по форме номер ноль.

Фу, сто лет не говорил официозом... в общем, если мы все сделаем правильно – лет через пять – шесть в гробу мы видали испанцев, команчей всяких и янки с их Легионом. Пришли, налетели, наваляли, ушли. Против унитарного патрона и современной тактики они не пляшут.

Больной вопрос – правильное воспитание индейцев. В казачество пойдут, да уже пошли, наиболее отмороженные из них. Пока приучишь к дисциплине – семь потов сойдет. Но оно того стоит.

Хао, я сказал.

Змей, не вставая, ибо стряхивать морду Гарма с плеча не хотелось, высказался:

– Экспедиция нам нужна. В Иран. За собаками. А то в Штатах норма – на двести овец или сотню коров десяток ковбоев. Конных. А в Средней Азии на то же количество скота – два – три пастуха и дюжина собак. Экономия, однако. Да и Гарму повеселее будет. Местные деффки для него мелковаты.

Сидя на лично притараненной из дому табуреточке, Ира слушала выступления докладчиков... Когда за своего люби-

мого Гарма высказался Змей, она, поразмыслив, добавила:

– Если вы соберетесь в экспедицию, то я, пожалуй, поеду тоже – надо бы в Сибири растения набрать для высадки... Лимонник там, аралию, и неплохо бы японским мандаринчиком разжиться или, на худой конец, простыми лимонами-апельсинами. Нашим морским волкам в будущих походах от цинги спастись – наряду с луком репчатым... Да мало ли каких еще растений полезных набрать можно будет, наверное. Что на это наш казак сибирский скажет? – и весело глянула на Всеслава.

Зануда вскочил и взволнованно перебил:

– Коллеги, завозить надо очень осторожно. Потому что можно, во-первых, завезти какую-нибудь болезнь; во-вторых, завезенное может размножиться. И наши потомки будут ругать нас, как австралийцы ругают своих предков за кроликов и опунцию, а европейцы – за колорадского жука.

Динго

– А теперь послушаем... – Дядя Саша слегка поперхнулся, закашлялся, сказывались последствия недавней простуды.

– Начальника транспортного цеха! – воспользовавшись паузой, вставил бессмертную фразу Котозавр, за что под общий смех получил дружеский подзатыльник от привставшего Котенка.

– Посмеялись и будет! – стукнул по столу киянкой с выжженной надписью «VanHummer» Кобра. – Время идет, давайте соблюдать порядок. Особенно это относится к некоторым представителям семейства кошачьих! А на очереди у нас?.. – он посмотрел на прокашлявшегося Дядю Сашу.

– Наш начальник науки и министр тяжелой промышленности, – продолжил тот. – Динго, тебе слово.

Привстал, вытащил из-под себя пачку неровных листов невзрачной серо-желтой бумаги и снова уселся поудобнее.

– Так, начну с того, что уже сделано, что на подходе, а закончу перспективными проектами. Как вы уже, наверное, обратили внимание, у нас появилась бумага. С грехом пополам, но выпуск более-менее наладили. В минусе то, что для письма пригодно не более тридцати процентов продукции. У нас не получается обеспечить стабильную толщину листа. В результате еще треть пригодна только на пипифакс, надеюсь, присутствующие успели оценить появление такого ништяка. Оставшаяся часть, а это наиболее грубые и толстые листы, пока складировается, имея в перспективе производство патронов.

Кстати, по патронам. Спасибо индейцам Всеслава, медную руду они нам нашли. Первые плавки прошли более-менее успешно. Латунь тоже получили. Сейчас пробуем катать лист, вроде получается, темпы производства оставляют желать лучшего, мощности привода на серьезную раскатку не хватает. В общем, вот конечный результат наших усилий, –

извлекаю из кармана новенькую папковую гильзу. — Было сделано по два десятка таких гильз в четырех вариантах. Отрабатывали конструкцию. Вот это — наиболее удачный вариант. Из оставшихся трех два имеют тенденцию выстреливать картонную часть гильзы вместе со снарядом, а последний нормально работает только в переломке, «Итака» их жует при подаче. В общем, ближайшие планы — изготовить порядка сотни экземпляров для углубленных испытаний. К сожалению, запас бездымного пороха у нас невелик, поэтому нормальная проверка на «сайгах» под вопросом, который к химикам. Что у нас с пироксилином? И капсюльным составом? Колпачки для капсюлей типа «центробой» мы готовы штамповать хоть сейчас, оснастка сделана в трех экземплярах и испытана. На индейцах. В смысле посадили Кэй и еще двоих индианок, показали, куда совать лист и как давить на рычаг. Они быстренько больше тысячи наклепали. На этом пока остановились. Ждем начинку. В перспективе сможем сделать и составную металлическую гильзу, медную, поскольку латуни мало, поэтому тоже откладываем на будущее. А до цельнотянутой пока далеко. Не осилим.

Второе, даже, скорее, первое изделие, которое мы поставили на поток, это карандаши. Угольные, получение графита пока для нас не под силу. Однако все ими уже пользовались и вроде не жалуются. Получить угольный стержень тоньше пяти миллиметров не удалось, так что карандаш несколько дубоват. Зато сделали несколько цанговых устройств — по ру-

кам пошли несколько штук, – имеющихся материалов хватит примерно на полсотни, дальше будем думать. Основная проблема – тонкая пружинная проволока. Впрочем, и толстая тоже. Собственно, бумага и карандаши у нас были в приоритете, после жилья и кормежки. Ресурс ноутбуков и наладонников не вечен, надо по максимуму переписать научные, технические и справочные материалы. Пару справочников уже перенесли на бумагу. Работа огромная и нудная, но НАДО. Потеря любых знаний выйдет боком. У нас два ноута и КПК с коммуникатором, так что работать могут четверо. Электричество, ради такого дела, найдем. Мы подключили Занудин генератор к колесу, бензин теперь не тратится, да и не осталось его практически.

Это все по мелким изделиям. Тяжпром, – ищу глазами кувшин, – Антилопа, солнышко, налей компоту, а то в горле пересохло... Спасибо, родная. Итак, до сего момента основным источником материалов для станков служил автобус. В общем, его практически больше нет. Зато есть два больших токарных станка, на которые пошли две из четырех полуосей и, частично, рама. Оставшиеся лежат как запчасти. Фрезерный тоже сделали, из ступицы переднего колеса, правда, особо на нем не поработаешь – нормальных фрез не больше десятка, над ними трясемся. Попробовали сделать фрезу сами, но сталь так себе. Скорость резания крайне низкая и «садится» быстро. В общем, на безрыбье и жопа – соловей, латунь и медь можем обрабатывать. Но дальнейшие эксперименты

с инструментальными сталями продолжим, хотя быстрорез, понятно, не сделаем – вольфрам нужен. Основная проблема всей нашей промышленности – малая мощность привода. Как следствие, все оборудование тихоходное, пришлось очень сильно понизить передачу. Иначе не тянет колесо на ручье. Мы, конечно, капитально выложились, строя запруду и водяную мельницу, но сам ручеек слишком хилый. Отсюда вывод: или перемещать мастерские на более мощную реку, скажем, ту же Лососевую, или строить паровую машину. Второе перспективнее. Благо литье чугуна в песок освоили. На данный момент пара поршень – цилиндр сделана и подогнана. Коленвал и шатун в стадии изготовления, думаю, к концу месяца доделаем. Проблема с котлом. Имеющиеся у нас материалы не позволят ему выдержать более – менее серьезное давление. Пара – тройка атмосфер максимум. Пять меня уже напрягает. На таком давлении получим сил шестьдесят – семьдесят при сотне оборотов в минуту, исходя из диаметра цилиндра в восемьдесят сантиметров и хода сто двадцать. Это максимум, что мы можем сейчас изготовить. Думаю, что машина будет готова где-то через месяц. Заложены еще один экземпляр, поменьше, с цилиндром в шестьдесят см. Пока отлиты поршень и цилиндр, доделка приостановлена. Как только запустим большую машину, займемся маленькой, котел для нас сейчас важнее. Мы думали установить «малышку» на шхуну. Я даже прикинул, как просверлить ахтерштевень и установить дейдвудную трубу без нару-

шения прочности судна. Но Клим эту идею прибил в зародыше – переделки сравнимы со строительством нового судна. Так как строить корпус с нуля пока нет возможности, будем делать из нее привод компрессора. А от колеса дать полное давление не удастся, привод не тянет.

Теперь по подшипникам. Понятно, что шариковые, как и роликовые, мы сделать сможем очень не скоро. Остаются подшипники скольжения на основе баббита. Простейший вариант последнего – девяносто процентов олова и десять меди. Вопрос: где взять олово. Я имею в виду в промышленных масштабах. Несколько кило мы наскребли, экспроприровав оловянную посуду с камбузов обоих кораблей, спасибо Зануде, подсказал, что оловянная посуда в эти времена вещь распространенная. Этого хватило на подшипники для колеса, приводов и паровых машин. Вообще-то месторождения касситерита, а так называется оловянная руда, в Калифорнии есть, но вот как он выглядит и где его искать, пока не очень ясно. Свинцовый баббит содержит пятнадцать процентов сурьмы и пять олова, остальное собственно свинец. Олово экономится кардинально, но где взять сурьму, не представляю совершенно. Так что ищем касситерит и думаем, как получить из него чистое олово. А на первое время надо решить вопрос с закупками последнего у испанцев или иными, как говорил незабвенный Ося Бендер, сравнительно честными способами его приобретения. Будет олово – будет баббит – будут и подшипники.

Вопрос к нашим руководителям, так сказать, на заметку. Конечно, с испанцами мы решили дружить и это хорошо, но проницательная мордочка нашего дорогого падре меня конкретно задолбала. Почему-то он, как появляется, так и норovit сунуть нос в мастерскую. Последний раз он меня едва не застукал за переделкой котозавровского ИЖ-18 в помповик. К счастью, ружье было разобрано, и он не понял, что это не совсем обычный для этих времен агрегат. Так что прошу, в качестве превентивной меры, ставить нас в известность, когда этот любопытствующий иезуит шляется по форту. Правда, это полумера. По-хорошему, надо бы перенести наш научно-технический центр подальше от любопытных глаз. Тем более что местечко мы еще до визита наглов присмотрели. Недалеко от моста через Лососевую, который мы летом соорудили для автобуса – кстати, мостик так и стоит – ниже по течению есть интересный обрывчик с водопадом. А параллельно берегу в сотне метров идет скальная гряда, образуя удобную, даже не знаю как назвать, долинку или каньончик. В общем, с одной стороны скалы, с другой река, и довольно узкий проход в несколько метров шириной. Такое вот естественное укрепление образуется. С другой стороны берег обрывистый и высокий, с реки не влезешь. Надо только внимательно эту гряду облазить на предмет возможных путей забраться туда и порушить их, сколько возможно. Тогда блокгауз в проходе поставить и хрен кто пройдет, пока у защитников патроны не кончатся. Из минусов – возможность

обстрела с противоположного берега, но там больше трехсот метров получается. А штуцеры в этих краях не очень распространены. Впрочем, забор вдоль берега лишним не будет. Обзор стрелкам и наблюдателям перекроет и от пуль защитит. Так что предлагаю эту идею обдумать. Кстати, в этой гряде пара пещерок есть неплохих, можно будет и машины из подземных капониров туда перегнать. Стояние во влажных землянках им явно на пользу не идет, особенно, когда осенью подтапливать начало. Хорошо еще, мы гаражи замаскировали под пороховой склад, туда падре не суется. Да и вход под надзором все время.

Ну и еще немного вкусного. Котяра, будь добр, пошарь в углу за шкафом, там ружбайка стоит, – принимаю протянутый «ствол». – Спасибо. Итак, коллеги, перед вами бывшее английское армейское ружье «Браун Бесс». Бывшее в обоих смыслах. Мы обратили внимание, что калибр ствола у англичан практически соответствует нашему двенадцатому. Разница чуть больше полмиллиметра. При использовании обтюрирующего пыжа, или пули с мягкой юбкой, будет стрелять нормально боеприпасами для двенадцатого калибра. Вариации на тему «диаболо» оказались вполне осуществимыми. В качестве модели пули взяли увеличенную пропорционально пневматическую «Кросман Премьер», у меня их полбанки завалялось. Немного поиграли с формой, траекторию держит. Пулелейку под нее сделали. Пока одну, но ничто не мешает повторить. Ну и самое приятное: нам уда-

лось сделать затворную группу в стиле «спрингфилда» Альбини-Баранова и «берданки» номер раз. Прикидывали варианты с откидным затвором вбок и вперед-вверх. Последний несколько сложнее в реализации и требует больше металла, но удобней и скорострельней. Думали также над вариантом с продольно скользящим затвором, но это еще более металлоемко, к тому же, требуется масса токарных работ, изготовления труб и не позволяет использовать штатный курковый механизм. Там как бы и изготовление новой ложи вылезает. В общем, несмотря на кажущуюся простоту, получается слишком сложно. В итоге получился слегка доработанный «спрингфилд», – откинул затвор, вложил пустую гильзу, продемонстрировал работу механизма. – От английской «Бесс» используется ствол и УСМ, меняется только курок. Казенник обрезаем, слегка разворачиваем патронник под нашу гильзу. Пробный отстрел вот этого экземпляра показал, что до ста метров кучность приемлемая, грудная мишень поражается надежно. До ста пятидесяти можно уверенно стрелять по ростовой. Дальше наша пуля начинает куваться. Круглой пулей результат ничем не отличается от обычного ружья – восемьдесят – сто метров по ростовой мишени, кучность чуть выше за счет более стабильного заряда. Два десятка патронов лежат в мастерской, не потащил сюда специально, иначе все дружно рванем пострелять. Готовых ружей на данный момент два, третье на подходе. К концу недели доделаем и его. Рабочих рук не хватает катастрофи-

чески, иначе бы процесс поставили на поток. У нас больше трех сотен трофейных ружей на складе лежит, не считая тех, что индейцам раздали. Кстати, есть предложение армейские «стволы» попридержать, а на подарки или торговлю использовать в первую очередь нестандарт. А то я нашел на складе четыре ружбайки, у которых калибр совсем не такой. Напомню, что у наглов два основных калибра: «мушкетный», примерно девятнадцать и три десятых миллиметра, что очень близко к двенадцатому, и «штуцерный», шестнадцать и восемь, который четко соответствует шестнадцатому. Штуцеров мы взяли немного, меньше полусотни, их пока не передуваем. Как только отладим технологию гильз под двенадцатый калибр, легко поставим на поток и шестнадцатый. Тогда очередь и до штуцеров дойдет. Получим четыре десятка с хвостиком вполне приличных винтовок.

Зануда

Когда в одном из докладов проскочило слово – «пироксилин» – над собравшимися поднялась лимонно-желтая ладонь. Потом начала дергаться. Потом появилась пегая рожа, в которой наблюдатель, мысленно пририсовавший усы и брови, опознал бы меня. Появилась и исчезла, утянутая вниз соседями. Дядя Саша, заметив волнение, попросил «уважаемых химиков» немного потерпеть и клятвенно пообещал дать слово сразу же после уважаемого Динго.

Когда очередь дошла до успехов химических наук, я вылетел в центр комнаты, как пробка из бутылки с теплым шампанским. И возопил:

– Коллеги! Прошу при мне слова «пироксилин» не употреблять! – и потом, уже более спокойно. – Мы многое сделали. Научились делать кислотоупорную посуду, получаем хлеб промышленности – серную кислоту, наладили лесохимическое производство и, благодаря уважаемому Всеславу, коксохимическое. Но, – тут мой голос опять возвысился, – до пироксилина нам как до Китая раком!

Объяснюсь. Пироксилин, с точки зрения химика – кошмар, горючий и взрывчатый кошмар. Исходное сырье – полимер нестандартизированного состава. Свойства получаемого вещества плавно меняются в зависимости от количества нитрогрупп. Продукт требует промывки и органических растворителей для формования. Далее, чистый пироксилин нестабилен, склонен к окислению с разогреванием и может самовоспламениться. А чем его стабилизировать – мы знаем очень приблизительно. Делаем ставку на другой вариант. Так называемый зеленый порох. В химическом отношении он представляет собой смесь калийной селитры и пикриновой кислоты. Тоже не подарок, но, по крайней мере, фенол у нас есть. Впрочем, из-за пироксилина я забежал вперед. Пройдусь по порядку.

Основная химия. Налажено производство поваренной соли, поташа, соды, едкого натра, серной кислоты. Масшта-

бы – единицы килограммов в месяц. Узкое место – сырье, в сернокислотном производстве и на солеварнях – топливо. Подготовлено производство бертолетовой соли, хлорной извести, фосфора. Узкие места – электроэнергия, рабочие руки. На станки и электролизер одновременно электричества не хватает, и оставить его на ночь так просто нельзя, надо следить. Спички мы уже сделали.

По лесохимии – построена печь для сухой перегонки с шестью ретортами периодического действия. Сейчас процесс оптимизирован под получение фенолов. Можем получать их в сумме до пятидесяти килограмм в месяц. Креозота – в шесть раз больше. Фенолы, напомню, это не только карболка, но и красители, – при этих словах показываю собравшимся ярко-желтые руки, – и взрывчатые вещества, как основные, так и иницирующие.

По коксохимии. Слава Богу, – эти слова произношу торжественно и с чувством, – уголь оказался коксующимся. Строим первую, опытную или, лучше сказать, лабораторную коксовую батарею. Будет как настоящая – с горячим дутьем и регенераторами. Предусмотрен сбор всего-всего-всего, и аммиачной воды и коксового газа.

Фармахимия. Заявки на йод, карболовую кислоту, креозот удовлетворяются полностью и стабильно. Про хлорную известь я уже говорил – нужен квалифицированный помощник для ночных дежурств. Спирта для медицины тоже хватает. Другое дело – стабильной работы ректификационной

колонны мы пока не добились, полученный продукт можно пить, можно на руки лить, но до химически чистого ректификата нам еще далеко.

По порохам и взрывчатым веществам. Научились делать гремучую ртуть и стифнат свинца, в ближайших планах – снаряжение и испытание капсюлей. Также мы наработали около восьмисот граммов пикриновой и стифниновой кислот и отрабатываем рецептуру и технологию зеленого пороха. Узкое место – нитраты. Селитренницам еще много месяцев зреть, гуано в обозримой окрестности не наблюдается, пока для экспериментов расходует порошок. Коллеги, с азотом у нас проблемы!

– Таким образом, штамповку капсюлей возобновляем? – встрял с вопросом Динго, заставив меня страдальчески скривиться.

– Умоляю, не торопите. Мы только начали эксперименты. Пока даже статистики по осечкам нет. А еще надо будет проверить стабильность при хранении. Капсюль – это же самая сложная часть патрона! И самая важная. Нам ведь не нужны осечки при стрельбе и взрывы при хранении?! – выслушав одобрительный гул, я продолжил: – Это о свершениях. Теперь о проблемах. Самая важная из них – острейший дефицит азотсодержащего сырья. Атмосферный азот улавливать мы пока не можем. Пробуем цианамидный метод, другие – не выходит. По крайней мере, в заметных масштабах. Поэтому прошу подумать над поисками в обозримых окрестностях

гуано. До Чили и чилийской селитры нам, конечно, далеко, но ведь и в здешнем климате птичий помет может накапливаться и высыхать.

Глава 6

Февраль – апрель 1791 года

Форт «Ломоносов»

Динго

Никогда не считал себя знатоком и ценителем русских поговорок и поговорок. Но тут как-то очень к месту вспоминается – «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Это к тому, что никогда раньше мне не приходилось даже слышать о том, что момент озвучивания проблемы до начала работ по ее решению могут разделять не дни, а буквально часы. Только вчера вечером зашел разговор о строительстве отдельной базы, где будет сосредоточена наша промышленность – и вот результат буквально на лице. Моем. Если вы думаете, что я перепутал склонения или другие там падежи, то ничего подобного. Грязь из-под копыт бегущей впереди лошади в очередной раз закончила полет именно на моей физиономии.

Утро совершенно не предвещало ничего подобного «вод-

но-грязевым процедурам». Но уже во время завтрака командир предложил остаться в столовой мне, Зануде, Догу и Артему. Без всяких предисловий он приказал снарядить поисковую группу для подробного обследования места предполагаемого строительства. Наши тоскливые взгляды на запятнанное мелким дождем окно он не проигнорировал, но вывод сделал несколько неожиданный, усилив охрану. Мол, видимость плохая, лучше побольше народу в дозоры отрядить.

Но результат стоил всех дорожных неудобств. Место оказалось весьма перспективным с любой точки зрения. Достаточно места для серьезного производства, буквально в двух шагах полноводная река, удобные оборонительные позиции, подъездные пути хорошо просматриваются и контролируются.

Строительство научно-технического центра решено было начать не откладывая, пока не пришло время полевых работ, однако погода внесла коррективы в наши планы. Резкий холодный ветер, мерзкий дождь пополам со снегом, и температура, гуляющая возле нуля, затянули доставку материалов и снаряжения почти на неделю. Окончательно определились с личным составом, отправляющимся на новостройку. Зануда и я в качестве инженеров, Антилопа с пятью помощниками в роли хоззвода, десяток нуму-караульных и сорок английских пленников из числа наиболее лояльных. Судя по задумчивому челу командира, обходившего территорию будущего

гиганта индустрии, он явно прикидывал возможность перебазировать сюда и некоторые другие «отрасли» нашего хозяйства.

Под временное жилье оккупировали пещеры, завесив их входы шкурами, всё не так холодно. В большей обитали англичане, в меньшей – мы с индейцами. Впрочем, нуму по большей части либо охраняли пленников, либо стерегли проход. Река Лососевая промыла себе новое русло, сдвинулась на восемьдесят – сто метров правее и образовала такое удобное для обороны местечко. Деревья валили выше по течению и спускали до водопада, натянув через реку перед ним пару крепких канатов. А дальше бревна приходилось тянуть лошадьми, но под горку коняшки с этим справлялись без особого труда. Когда набралось достаточно материала, в первую очередь возвели сруб сторожевой башенки, а следом поставили частокол и ворота, окончательно перекрыв вход. В конечном итоге укрепление должно было замкнуться над воротами в виде буквы «П», обеспечив полный контроль над проходом и местностью перед ним.

Второй сторожевой пост возвели на самой скальной гряде, обеспечив себе круговой обзор. После этого нас посетила делегация в лице Дяди Саши, Котозавра и Котенка на предмет обследования этой самой гряды. Они высматривали места, по которым противник мог бы незаметно подняться наверх и нанести нам удар в спину. Таких мест нашлось всего три. Одно из них привели в негодность, взорвав несколько

небольших пороховых фугасов. На остальных обрушили скалы, пробив шурфы и забив в них деревянные клинья, которые потом щедро полили водой. Разбухшее дерево прекрасно рвало камень, гряда состояла из сравнительно мягкого известняка, а не гранита с базальтом.

Финальным аккордом стал монтаж водяной мельницы рядом с водопадом. На камень, торчащий из воды метрах в пяти от берега, перебросили мостки и установили чугунную опору с баббитовым подшипником солидных размеров. Вода отводилась по деревянному желобу на восьмиметровое колесо, обеспечив нам приличный запас мощности и крутящего момента. Регулируя поток воды через него, можно было управлять скоростью вращения и тягой привода. Одновременно с мельницей возводили частокол, прикрывавший нас от обзора с противоположного берега. Ширина реки не позволяла вести обстрел из луков или ружей, но вот стрелок со штуцером мог доставить немало неприятностей.

Когда в двадцатых числах апреля привод был готов, настала очередь мастерских. Привезли большие станки, сверлильный и фрезерный, установили на фундамент, после чего возвели вокруг них стены. Пятого мая я в первый раз включил привод станков. После небольшой наладки механизмы заработали как часы. Теперь можно было думать об увеличении объемов производства.

Самый длинный приводной вал тянулся из корпуса мастерских в небольшое здание слева от них. Там разместили

кузницу с механическим молотом. Правда, сам молот был еще не готов, но Логинов, покинувший стройку на три недели из-за участия в экспедиции, клятвенно обещал доделать и привезти его к концу мая.

Количество работников из пленных англичан постоянно менялось: то достигало шестидесяти человек, то, к концу строительства, сократилось до двух десятков. В их число попали в основном те, кто не испытывал горячей привязанности к Британии и готов остаться с нами, при этом не особо желая снова браться за оружие.

Нуму в подразделении охраны менялись каждые десять дней. Всеслав отправлял сюда своих казаков в виде поощрения, на отдых. Гоняя нещадно в остальное время.

Наконец стройка в общих чертах была завершена. Обитатели «Базы-2», как не мудрствуя лукаво я обозвал нашу стройку, уже переселились в нормальные деревянные дома, а пещеры украсились полноценными воротами. Финалом операции стала переброска в пещеры автомобилей. Чтобы не привлекать особого внимания, в них впрягали четверку лошадей и по темноте вывозили из Форта. Впрочем, если оба «уазика» еще могли двигаться самостоятельно, то остатки «аутлендера» и автобуса прибыли в виде обычного груза на телегах.

Когда появился обоз, доставивший из Форта недостающие части механического молота, его сопровождали в виде охраны не только индейцы, но и Котозавр на пару с Салли.

– Ого, сколько вы тут наворотили! – удивился он, когда мы поздоровались. – Мы тебе пяток пушек привезли для укрепления, как заказывал, и заряды к ним. Куда ставить будешь?

– Две в левую часть башни, одну в правую.

– А остальную пару?

– Затащим наверх, в сторожевую башенку. Оттуда отличный сектор обстрела получается.

С установкой орудий провозились до вечера. Особенно много хлопот доставило затаскивание пушек наверх. Хотя я и просил подобрать стволы полегче, но наше руководство решило не ограничиваться малокалиберными пукалками, а выделило нам полноценные шестифунтовки на корабельных лафетах. В итоге, хотя обоз после разгрузки сразу отправился обратно, Кот и Салли остались у нас ночевать. Отпускать их по темноте, на ночь глядя, я не стал. Так что устроили небольшие дружеские посиделки в узком кругу. Когда прощались утром у ворот базы, Котяра, оглядев с высоты седла укрепления и постройки, прокомментировал:

– Теперь у тебя тут целый форт. Форт «Ломоносов».

Как-то так это название и укрепилось за «Базой-2».

Глава 7

7 марта 1791 года

Ирина

С самого утра на месте не сиделось. Встала засветло, умылась у рукомойника из тазика, куда налила вскипяченной воды из чайника и причесалась, заплетя толстенные косы. Никогда раньше таких хороших и, главное, длинных, волос не имела! Дома они плохо росли – а тут! Полгода, может, чуть больше прошло – а уже ниже лопаток, и косы толщиной в два с половиной сантиметра заплетаются. Экология, наверное – точнее, отсутствие выбросов с разнообразных химических предприятий. Свежий воздух и вода – для здоровья вещь очень полезная, да.

Пока умывалась и приводила себя в порядок – чайник заново вскипел, а там и яйца от пестрой курицы-несушки Февронтии сварились. Хлеб с маслом, яйцо с солью да заварка бруснично-черничного сбора вместо чая – и весь завтрак. А надо столько дел переделать!

Чугунок с мясом отправился в печь – кто-то из индейцев

принес подбитую птицу и нам с Катрусей досталась тушка. Затем туда отправились свекла, картошка и другие овощи, а под конец и морковно-луковая за жарка. Это, конечно, не настоящий борщ, а так, свекольник – но все равно, запах по домику разлился изумительный. А ведь одновременно с супом в печке томилось мясо – вырезка купленной по случаю у испанцев свиньи, забить которую просили мужчин, у женщин на нее как-то рука не поднималась. Отбитые кусочки разлеглись на противне, прикрытые шубкой из поджаренных грибов, колечек лука и соуса (на сливках, яйцо, горчице, меде и самой капельки уксуса). Пока праздничный обед-ужин готовился в печи – сестричка взялась помогать с десертом.

– Ир, а что мы будем делать на десерт?

– Пирог, конечно! Печка давно прогрета...

– Так там же суп и мясо на горячее!

– А мы их в сторонку, ближе к устью отодвинем и накроем – чугунок уже с крышкой, а противень вторым, с бортиками повыше. Оно и не остынет, но и не перегреется – так бабушка Сима делала. Помнишь, в доме у тетки Зои?

– Не, не помню, я тогда мелкая слишком была.

– А, да, точно, тебе почти четыре года было. Где ж тут вспомнить. А я вот даже запечье, в совсем другой комнате, за стеной, помню. На нем лежал матрас с простынями, стеганым одеялом и подушки с кружевными наволочками... целая стопка на одеяле высилась!

– Точно! А на самой макушке – ма-аленькая совсем поду-

шечка!

– А с нее вниз по всем подушкам – большое кружевное покрывало – шаль!

За разговорами мы успели замесить тесто для пирога на меду с пряностями (самой настоящей ванилью и корицей), вылить его в форму, разровнять и поставить в печь. После чего нами была приготовлена начинка – варенье малиновое и варенье черничное, потому как планировалось пирог разрезать на два коржа и промазать вареньем, ну и морсу сделали три кувшина. А то что же гости пить будут?

Когда все уже было готово и в домике чисто и прибрано – начали приходить гости...

Всеслав

Как это, не помню из какого фильма... в общем, золото манит нас, о-оо, золото конкретно манит нас. После того как, по моему настоянию, разобрались с топливом, отправили нас, любимых, то есть меня, Курбаши, он же Белый Бык, и Котозавра искать презренный металл. Отмечать, понимаешь, свой дерзостный путь иглой по изорванной карте. С нами пошли десяток моих нуму, из наиболее подготовленных, остальных по приказу начальства отправили к друзьям-соседям-союзникам рассказывать о том, какие мы хорошие. Типа каникулы у них. Ничего, вернусь – мало им не покажется. До угольного разреза доехали быстро, заночевали там.

Нормально... все вроде функциклирует, англичане шуршат, индейцы бдят, порядок присутствует. Все же правильно мы на совете решили насчет передачи охраны старшим нуму. Они ведь на лицо ужасные, добрые внутри и дисциплину неплохо понимают. А язык межнационального общения чем-то напоминает русский с диким нуму-английским акцентом. Раз в три дня приезжает из форта нашего учитель, раз в неделю – врач... курорт у них, англичан. Если не считать нормы выработки центнер в день на рыло. Ну, попарились в бане, отдохнули перед дальней дорожкой – и ломанулись в тайгу.

Почему – в тайгу? Да потому что принципиального отличия от нашей сибирской нет. Те же хвойные, то же зверье. Правда, вместо стланика чапараль, а вместо кедрача – секвойи, но я уж как-нибудь переживу.

Шли нагло, с песнями. Выучил своих «Бодайбинке». Незабываемое зрелище – сидят нуму, кто не в охране и не на охоте, у костра, воют на луну:

- А наутро быстрые олени.
- Унесли тебя, подруга, вдаль.
- Уходила ты тогда по Ле-ене.
- Уносила радость и печаль!

Благо русский уже неплохо знают и понимают. Кстати, песня на благодатную почву упала – хотели оленей одомашнить. Отсоветовал. Ездил я на этом недоразумении, ну его на фиг. Лошадь лучше. Олень вкуснее.

С индейцами местными проблем особых не было – наша слава разнеслась достаточно далеко. Да и коллектив подобрался – те еще морды. Хорошо, что зеркал в наличии нет... на себя в лужу как-то утром глянул – и страшно стало от напроць отмороженной бородатой хари. Остальные не лучше, разве что нуму без бород. Зато с прическами.

Были и трудности, факт. Особенно с шурфами. Индейца заставить работать – сложно. Ну не понимает он, зачем рыть яму в земле, если это не ловушка и не землянка! Но ничего, обосновал тем, что настоящий казак должен пять раз в году вырыть яму метр на полтора на два, спуститься в нее и обратиться к духам земли с просьбой о покровительстве. При чем помощь ближнего только приветствуется... начал первым, ох, как я люблю земляные работы, потом из ямы про «Славное море, священный Байкал» поорал. Сработало. Курбаши с Котом тоже попали под раздачу, рыли, смеясь сквозь слезы, молитвы их были исполнены экспрессии и оптимизма: когда из ямы донеслось «Идет бычок качается, вздыхает на ходу», чудом не свалился с лошади.

Дошли до Американ-ривер. Душевная речушка, рыбы в ней много, лес хороший. Поднялись к месту, которое коллеги крестиком обозначили (ага, на три лаптя правее солнышка. Карту-то вручную рисовали, масштаб точно соблюсти сложно) и на второй день нашли, что заказывали. Явно не пирит, кислота не берет.

Намыли немного – и нарисовались оппоненты, человек

тридцать, все из себя в боевом, начали колотить корявые понты, дескать, это наша корова и мы ее доим, уходите отсюда, пра-ативные. И ружбайками кремневыми, числом аж пять, нам в морды тычут. На нуму вождь их, Брачующийся Бык Оленя его имя перевел приблизительно как Туча-на-Горе, не говорил, пришлось общаться через переводчика, примерно так:

– Хитрый Лось, он говорит, что мы находимся на земле его племени и требует уйти.

– А ху-ху не хо-хо? Нет, этого переводить не надо. Скажи, что мы – могучи и непобедимы, если он хочет битвы – он ее получит. Но мы пришли не для того, чтобы воевать с храбрыми воинами, а для того, чтобы предупредить их об опасности с восхода... Бычара, дальше по своему вкусу давай, выдай им про англичан и про нас.

– Туча-на-Горе говорит, что его ружья своими выстрелами разметают толпы врагов!

– Бычара, спроси – а что он будет делать, когда у него заряды кончатся?

В общем, договорились. Тем более что на заднем плане Трава-на-Пути и Как-Небо-на-Пальмах разминались, так, для поднятия тонуса, а остальные – нуму и Курбаши с Котозавром, сурово смотрели на мир с правильной стороны дула, благо ружье было у каждого. Туча-на-Горе проникся... подписались мы – поставки пороха и свинца на пули, а также обучение трех человек у нас в форте, они – на охрану мест-

ности, кормежку наших за отдельную плату и отлов не наших, мы ему еще одно ружье подарили, он нам шкур хороших – чисто из уважухи. Вполне выгодно получилось, вполне.

За первые три дня намыли с три четверти пуда песком и самородками. Котозавр по приколу отлил себе из золота пятиконечную звезду, на грудь повесил. Уважаю. Настоящий прапорщик... и весь мед, который нам местные приперли, съел. Мне не жалко, я сладкое не очень – но факт остается фактом.

Зануда

Раньше я думал, что глина есть везде. Где бы я ни копал грядки, в Московской ли области, в Тверской, Костромской – везде на лопату липла серо-рыжая гадость. Но судьба-злодейка забросила меня в места, где глины нет. Почва есть, под ней и в ней камни самых разных размеров, песка – хоть попой ешь. А глины нет. Индейцы, которые знают каждую горку и каждую норку, помочь не могут – они искусные корзинщики, но ни разу не гончары. Соседи из миссии Св. Клары (и в первую очередь падре Хосе) и рады бы помочь, но их глина далеко. Да и пойдет ли на посуду то, что хорошо для самана? И вот бродят по зеленым холмам угрюмые личности, копают ямы, высекая искры лопатами и распугивая птиц матюгами...

После нескольких дней поисков гончарная мастерская оказалась окружена кучами весьма неаппетитного вида. Змей подвел теоретическую базу под то, что местные глины по цвету обычно походят на, скажем так, то, что тоже на «Г». И он же нашел нечто серое, надеюсь, каолин.

С утра я нервничаю – сегодня испытываем глиномялку. Устройство ее в общих чертах представляли минимум дюжина попаданцев, Артем смог показать руками примерные размеры, а вот объясняться с Еленой пришлось мне одному. В общем, получилась высокая, в человеческий рост, кадушка (да, я перестраховщик), узкая – в один обхват, с торчащими внутрь штырями длиной и толщиной с железнодорожный костыль. В ней вращается железный штырь, к которому приварены широкие и толстые лопасти. Мы с Еленой три дня ковали, я себе мозоли натер веревкой от мехов. Внизу – сопло для выхода глиняной массы. Вверху – плод моего конструкторского гения – деревянная решетка с полочкой, чтобы внутрь не попадали руки, палки и камни.

Двигатель – одна лошадиная сила, конкретно Звездка. Трансмиссия – вал и шкивы деревянные, ремни из бизоньей кожи, натяжной ролик в девичестве крутился в Лордовом джипе. Вхолостую я вчера прокручивал, работало и не скрипело, но все равно как-то стремно.

И вот все готово. Ну, Звездочка, давай помалу. Бык Оленья по наклонному помосту закатывает первую тачку глины и девушки в две лопаты начинают кидать ее в мялку. Я кричу

им, чтобы не спешили.

Так, девушки отдают обе лопаты Быку и бегут вниз. Видимо, из сопла полезло глиняное тесто. Не слышу криков восторга. Конечно, первые порции не могли хорошо промешаться – я предупреждал, что их, скорее всего, придется снова отправить в мялку. Но все равно любопытно.

Мы со Звездкой косим глазами. Вот наполнились первые носилки, девушки убирают их и подставляют пустые. Вот Быку подняли вторую тачку. Вот Ира бросается к ларю с просеянным песком, набирает его ведром и сыпет в корыто с глиной, подбегают подружки и в три лопаты размешивают....

Короче говоря, мялка работает. До обеденного перерыва мы успели три раза пропустить через нее первую партию глины, добавлением песка и воды доведя ее до полностью однородного состояния и удовлетворяющей наших гончаров пластичности. Я настоял, чтобы в ларь с вымешенной глиной воткнули табличку – должны же мы помнить, сколько туда песка насыпали. После обеда попробуем вторую кучу – что тут за каолин-шмаолин?

Котозавр

Воеводе Лександру батьковичу свет Конторовичу, Вихревого острога и окрестных земель начальнику, от воинских людишек Лося, Быка да Кота донесение.

По твоему слову пошли мы трое да туземных казачат де-

сяток лутших на восход, чертеж той земли делать, да всякую пользу в тех землях искать. Взяли ружей своих артефактных три, да обменного фонду аглицких пять, лошадей трех под седло да по одной выучной, муки, соли да пороху со свинцом, согласно нормам довольствия, и прочаго, что в квесте потребно, токмо каптерщик-каналья нам табаку и огненной воды не дал почти, хоть геологии и туризма без воды оной представить невмочно. Пошли мы бодро и весело, чертеж делали, шурфы в приметных местах били, да на ручьях шлихов намыли изрядно. С туземными людишками не задирались, расходились миром, бо уважают нас сильно, и аглицкий лут межплеменным обменом и до тех мест дошел. На лесопилку Саттера вышли, подымаясь по ручью, что в Американ-ривер впадает, крест на карте зело велик был. На том месте намыли золотого песку в первый день котелок почти целый, и сильно довольны были. Но поутру принесла нелегкая князца туземнаго, именем Туча на Холме, с воинами лучными и ружьями тремя. Князец тот ругался сильно, смертью страшал, да откупных за мученый ручей много требовал. Белый Бык уже собирался весь их отряд на поединок вызывать, и порешить на фиг, но Лось спросил Тучу, умеет ли тот порох и свинец так же, как и стрелы, из всякой фигни делать. Вождь своими новыми ружьями сильно гордился, а вот огневой припас покупать числом поболе сразу не стал, а по испанским ценам его жаба душила. Мы ему и сказали, мол, будешь задирать-ся – отдохлого койота уши тебе, а не порох. Князец борзоту

свою прикрутил, и даже малость отдарился за наезд медом и шкурами. Уговорились, что мыть песок можем невозбранно, а от него людей бою на пальмах научим, коли в острог пришлет, и пришлых белых, без нашей пайцзы, племя будет имать, да к нам вести живыми, за каковых мы им подарки богатые обещали. За последних три дни намыли мы золотого песку еще с полпуда и мелких самородков изрядно, застудили себе задние ноги в ручье, а Котька-рейнджер кашеваром будя, себе в глине из золота шерифску бляху отлил, да на пузо повесил, дабы дурь его всякому видна была.

Писано в банной избе Вихревого острогу в виде пьяном вельми. Белый Бык по твоему, воевода, слову и своей индейской сущности, «лосевки» не пил, но за компанию сочинял, будто пивши.

Глава 8

Мама Яга – Улыбка Енота

– Итак, коллеги, мы имеем перед собою труп мужчины, индейца в самом расцвете лет. Здоровый, без неактуального для нас скальпа, умер от картечи в грудь, все остальное в нем – натыкано и прострелено в рамках подготовки учебного пособия.

Труп на столе действительно представлял собой коллекцию боевых повреждений: пулевое в бедре, стрела под ключицей, другая в боку, резанные раны предплечий, колотая в живот. Маленькая индианка в длинном кожаном фартуке и с ланцетом в руке посмотрела на Катю и озабоченно спросила:

– Все нормально, в обморок не собираешься?

– Наталья Николаевна, я там уже была, сейчас – в порядке, после войны с англичанами насмотрелась и нащупалась всякого.

– По имени! Я, конечно, бабушка, но лишние напоминания об этом не нужны. Шоно, может, тогда пропустим конечности, раз все присутствующие знают азы, и перейдем к стрелам?

Для стрел по рисункам из старой книги были изготовлены парочка щипцов-извлекателей и расширители раневого

канала. Медиков, получивших образование в СССР, такому не учили, пришлось раскапывать наставление времен туркестанского похода, тогда русская армия последний раз встретилась со стрелами на поле боя. Для начала опробовали индейский способ: завести по древку две гладкие веточки, заодно бужируя канал, закрыть ими края наконечника, чтоб не цеплялись при обратном ходе, привязать их к древку, полученная конструкция вынимается из раны. Для мягких тканей пойдет, но если наконечник уткнулся в кость – крепление к древку может не выдержать. Со второй стрелой так и вышло. Щипцы, творение наших кузнецов-оружейников, оказались вполне пригодны, с мерзким чавканьем вытащив железное острие, на четверть вошедшее в ребро.

– Катенька, теперь твоя задача, не прекращая подавать доктору инструмент, промыть извлеченный предмет и осмотреть его на предмет целостности: выкрошенные кусочки надо доставать все, иначе будут мешать заживлению.

Пока Шоно, поругиваясь, перетягивал сосудик в глубине раны, девушки отмыли стрелу и привлекли меня как эксперта: стрела оказалась комплектной, без недостатков. Можно зашивать. С пулей в бедре расправились по известной схеме: доктор отработанным на англичанах движением сует пулевые щипцы вглубь, и с хеканьем – тяжело идет, зар-раза, выдирает слегка деформированную «Полеву». Дальше – хуже. Наши остроносые пули шьют, как правило, тело навылет, ломая близлежащие кости, разрывая сосуды и внутренние ор-

ганы. Круглые английские – практически двенадцатого калибра, дают сильное размозжение тканей на пару дюймов вокруг раны и заносят в нее кучу грязи, забивая клоч одежды перед собой в глубину. Кровеносные сосуды, даже не поврежденные собственно пулей, выходят из строя в радиусе даже большем, поэтому пулевые ранения конечностей в эти времена заканчиваются обычно ампутацией: врачи уже знают, что – казалось бы, целая – рука или нога начинает отмирать, и тогда резать придется больше. Представление о большом и малом кругах кровообращения почти отсутствует, сосудистая хирургия: пересадка вен пациента, взятых со здоровой конечности, будет изобретена гораздо позже, а то, что мы про нее знаем, еще не дает необходимого инструментария, а главное – навыков. Зубной врач, фармацевт в теле индианки и девушка с крепкими нервами – вот им придется делать революцию в медицине. А кому легко?

Распотрошив «учебное пособие» целиком и полностью – в целях воспитания вскрывать его доверили Кате, троица естествоиспытателей погрузилась в изучение внутреннего мира покойного тонкава.

– Вход и выход желудка, двенадцатиперстной кишки, и кишечник вот в этих местах... да, и еще здесь перевязываются, потом, при лабораторном исследовании, можно с приличной точностью установить время смерти, относительно последнего приема пищи. Судя по наполнению желудка, пожрать перед смертью пациент не успел. А печенка-то парши-

вая... где же он так ее угробить успел, молодой ведь еще?

– Тухлятины какой сожрал? – предположил Кямиль.

Улыбка Енота почесала кончик носа ручкой ланцета.

– За один – два раза такого не заработаешь... есть у меня мысль, посмотрим, насколько она умная. Сейчас будет дюже вонюче: давайте вскроем тонкий кишечник, посмотрим, что там есть интересного.

– Ага! Вот он, голубчик! – вопль раздался на третьем метре вскрытия. Ухватившись корнцангом за головку, Наталья вытащила цепня, длиннющего плоского червяка, чей хвост оборвался в глубинах неразрезанной кишки, но даже изъятая часть была длиной в пару метров. – Вот за это я люблю патанатомию: всегда можно поставить точный диагноз.

Она кинула добычу в ямку для утилизации отходов, и, полоская инструмент в кувшинчике, пояснила:

– Старый знакомый. В начале девяностых поступила к нам в госпиталь баба, молодая довольно, с непонятными симптомами: тошнота, рвота, понос, гемоглобин ниже плинтуса, в крови полно продуктов распада, тощая, желтеет, отекает, и ничего не понятно. Онкологии не нашли, лечили симптоматически, пока случайно в кале не увидели кусочек вот этой дряни. Судно выносит санитарка, врачам-чистоплюям заглядывать было лень. А у меня в аптеке последние пятнадцать капсул «Филиксана», экстракта корня мужского папоротника, больше его не было, систему заготовки сырья похерили вместе с Союзом. Тело цепня похоже на узенькую ленточку,

вроде портновского метра, так вот, тем, что из нее вышло, наполнили полулитровую банку доверху. Не все, между прочим, головки не было. Представляете, какая была интоксикация? Вот поэтому я, когда немного очухалась здесь, и надыбалка котелок, первым делом проглистогонила всю новоиспеченную родню, цепней не нашла, но воо-от такие аскариды – скромным рыбацким жестом «подлещик сантиметров на семьдесят» Наталья обозначила размер паразита – выпали.

Катю передернуло, видать, богатая фантазия представила такую тварь внутри себя.

– Костя рассказывал, что ему показалось у вас подозрительным: племя маленькое, бедное, а физиономии сытые.

– Скотозавру? Подозрительным? Ага! Это он сейчас такой умный, а так: «Штирлиц шел по городу, и ему на голову упал кирпич. Штирлиц насторожился». Приехали прогрессоры, давай агитировать за советскую власть, как я его не прибила, гаденыша, не знаю. Очень уж хотелось. Индейский компонент личности сработал.

Дано первого апреля 1791 года от Р. Х.

В Вихревом Остроге воеводой Конторовичем

ПРИКАЗ

Ведомо стало мне, что морской министр, да медикусы, да кавалеристы учинили давеча совместное

пьянство, и там с залитых глаз желали странного.

Приказываю:

1. Выведение свистящего рака оным лицам категорически запретить, понеже нарушение закона причинности может привести к разрушению пространственно-временного континиума в нашей ветви Древа Миров.

2. Кровавой Гэбне проконтролировать шаманов, дабы не начали выводить сами.

3. Рейнджерам включить в маршрут патрулей вершины окрестных гор – не прогónите рака, так хоть дурь вымерзнет.

4. Динго – изготовить кружку Эсмарха емкостью в галлон с четвертью для комплектации полевого набора скоростного вразумления попаданцев.

5. Заму по МТО выделить в тех же целях скипидара живичного два ведра.

6. Приказ довести до исполнителей в части их касающейся.

01.04.1791

Печать, подпись

Глава 9

Апрель – май 1791 года

Из дневника Сергея Акимова

Совещание 23 февраля имело немаловажное продолжение. В самом его конце, дождавшись, когда народ почти разошелся, Динго тормознул майора, Кобру и Курбаши.

– Коллеги, тут такое дело. Помните индейца, которого подобрал в полусотне километров от Форта на Лососевой речке наш патруль? Парню сильно досталось, его здорово поломало, качественно протаскив по порогам. Так вот, недавно мы с Антилопой смогли его разговорить. Напомню, особенно для тех, кто последнее время был за пределами Форта, я сам встал с постели только неделю назад – очень «удачно» навернулся с мокрого крыльца. Шоно заподозрил трещину на ноге и уложил меня в лазарет. Там и пообщались с индейцем, как раз он в себя пришел. Парень из племени Шайенов. Зовут его, если мы правильно поняли, что-то вроде Одинокая-Скала-На-Реке. В общем, для краткости, Утес.

История для тех краев обычная. Трое молодых парней отравились за подвигами, за воинским именем. Компашка подобралась из тех, у кого шило в известном месте, вот и подались посмотреть дальние края. Три мушкетера, ага. С про-

шлой весны гуляли, прослышали от кого-то про «большую воду» и решили дойти. Неслабо так прошлись ребята, если учесть, что шли они с территории будущей Монтаны. Занесло их аж до верховьев Лососевой. Там умыкнули лодку у местных и решили сплавиться вниз. Если б еще этой посудиной управлять умели. Пороги-то на реке встречаются, в наше время рафтеры ее любили, вот и кувырнулись где-то. Одного вынесло на берег к нашим, где остальные двое – фиг знает. Может, утонули, может, где-то по берегам Лососевой шляются. Но важно не это. Парнишка оказался неплохим художником. Когда с карандашом освоился, начал выдавать вполне приличные рисунки.

И он пустил по рукам один из листов.

– Так это же Конди! – воскликнул я.

– Вполне приличный портрет, – добавил командир.

– Вот именно, – продолжил Динго, – талант у парня. Он, когда оклемался, стал проявлять знаки внимания к нашей Конди. И та, впервые после известной истории, начала улыбаться. Вроде оттаивать начала девчонка. Подозреваю, что недалеко до предложения руки и сердца, как говорится. Так что надо быть готовыми мягко разрулить возможную ситуацию. Конди отпускать в индейское племя нельзя по двум очевидным причинам: секретность, да и не выживет она там. Так что, Сергеич, это твоя головная боль, как вождя племени. Утес к тебе пойдет, к гадалке не ходи, ну да ладно, речь не об этом. Мы попросили его нарисовать наиболее примет-

ные места, по которым они шли. Получилось несколько пейзажей. Вот, смотрите, – он передал нам следующий листок, – места опознать можно, он все лучше и лучше рисует. И, наконец, последняя картинка. Это нас крепко приложило, – наш инженер выложил последний лист.

– Это же самолет! Где он мог его видеть?!

– Он назвал это место: то ли долина Грома, то ли плато Грома. По моим подсчетам, получается, что находится оно в районе двух – трех сотен кэмэ отсюда. Так что я настаиваю на экспедиции. Не сейчас, конечно, а вот ближе к лету стоит пошарить, что с этого ероплана можно взять. Тем более, что, судя по рисунку, самолет грузовой, похож на военный. Есть смысл.

Решили пока особо не афишировать новость, но экспедицию готовить. Рисунки показали Логинову, надеясь точнее определить тип аппарата. Анатолий похмыкал, сказал, что никогда раньше антиквариатом не интересовался, но слишком уж характерные очертания на картинке. Заключение его было однозначным – ДС-3 или одна из его модификаций. Поэтому о военном назначении можно не вспоминать. В самих Штатах такие самолеты сохранились только у любителей авиаистории. Если в момент БП на борту находились как раз такие фанаты, то вполне объясним сам факт попадания, все эти ценители ретро плотно общались между собой в инете. А для переноса вполне хватило бы наличия в экипаже трех – четырех человек, самолет имел максимальный взлетный вес

меньше пятнадцати тонн. Если припомнить историю с автобусом и нашими автомобилями, то теория о способности попутанца прихватить с собой несколько лишних тонн груза нашла еще одно подтверждение. Саму идею похода он горячо одобрил, мотивируя даже не возможностью получить в наше распоряжение супервундервафлю, сколько возможным наличием на борту приличной радиостанции, гораздо мощнее наших, с ограниченной дальностью связи. Естественно, сам Анатолий оказался первым кандидатом в штат экспедиции, как единственный, кто мог оценить возможность использования такого артефакта. На самый пессимистичный случай – грамотно руководить разборкой.

Если верить деталям, которые смог передать рисовальщик, самолет приземлился на брюхо. Так что рассчитывать на его способность взлететь не приходилось, даже если повреждения при посадке были небольшими. По словам нашего авиаспеца – «Дакота» была чрезвычайно «летучим» аппаратом, главное – не мешать, и она была способна улететь без вмешательства пилота хоть на полную дальность. Так что, скорее всего, баки окажутся пустыми. Вопрос с экипажем, если он уцелел, решили оставить на момент обнаружения такового. По словам индейца, никого вокруг он тогда не заметил, так что сейчас строить какие-либо предположения было преждевременно.

Инициатора идеи, к его глубокому огорчению, решили не пускать, у него и так хватало забот в новом форте. Налажи-

вание производства новейшей, по местному времени, техники, сочли более важным делом, чем обследование очередного артефакта. На мой взгляд, так оно и правильно решили, пусть даже ценой обиды со стороны Динго. Ничего, подует-ся некоторое время, зато потом от души наиграется с новой забавой, если мы сможем притащить самолет в форт.

При планировании операции столкнулись с одной из постоянных проблем этого времени. Дороги, если и существовали, вели совершенно не туда, куда нам было нужно, качество имевшихся можно было характеризовать только с помощью великого и могучего. О каком-либо вездеходном транспорте оставалось только мечтать. Провели самую строгую ревизию в конюшне, преодолели героическое сопротивление Дога, выпросили у падре авансом всех свободных лошадей. В результате смогли укомплектовать всех уезжавших ездовыми, заводными и целой дюжиной выючных животных. От идеи отправить с ребятами телеги сразу отказались. В таком случае скорость передвижения отряда падала непредсказуемым образом. Если обычным караваном экспедиция могла, очень прикидочно, одолевать 30–40 километров за сутки, то с любым громоздким транспортом в упряжке каждый ручей или овраг становился сложным препятствием. Увеличивать сроки – добавлять запасы питания, любая поломка – новая задержка в пути. Поэтому решили, что «лучшее – враг хорошего», при обнаружении ценных, но сложных в транспортировке ништяков, проще оставить пост у находки и вернуться

за подмогой.

Риск был сочтен вполне приемлемым, с учетом того, что тонкавов мы основательно обнулили, заработав тем самым у окрестных индейцев репутацию серьезных бойцов, с которыми лучше дружить или как минимум не стоит ссориться. Дипломатические усилия нашего руководства позволяли надеяться на как минимум нейтральное, а скорее дружественное отношение со стороны ваппо и пайютов. По крайней мере, тех, кто проживал в радиусе двухсот – двухсот пятидесяти километров от нас. Единственным стремным пунктом была деревня в верховьях Лососевой, в которой Утес «со товарищи» увели лодку. Там у них была небольшая стычка, правда, вроде без трупов, но чем черт не шутит. Было решено проложить маршрут так, чтобы обойти это поселение стороной. Кстати, когда мы внимательно изучали карты возможного маршрута, Салли припомнила, что где-то чуть дальше в тех краях в наше время была расположена база Бриджпорт КМП США – морпеховский горный учебный центр.

Состав определили к началу апреля, когда погода уже вполне установилась. Курбаши и Котенок – силовая поддержка, Логинов, Спасск – техническая часть, Утес как проводник, шестеро наиболее надежных из «оказаченных» Все-славом нуму в качестве охраны и помощников. В последний момент напросилась Антилопа, мотивируя желание знанием местности и почти половины маршрута. Наши индейцы были вооружены ружьями ДБ, как окрестил переделанные ан-

глийские военные ружья Котозавр, от «Динго-Бесс». Дальнейшее повествование лучше будет вести по отчету технического руководителя экспедиции, которым назначили Логинова.

Логинов

Рысью, галопом, шагом... Рысью, галопом, шагом... Знакомо? Вот и мне тоже, читал где-то. Только не уточнил автор, по каким-таким прериям его герои скакали, да и про степень кавалерийской подготовки не очень распространялся. У меня, например, с ней не очень, о чем весьма ощутимо напоминает выпуклая часть спины. Даже при медленной езде шагом по едва заметной звериной тропке в лесу. Не приходилось как-то в прежней жизни близко сталкиваться с лошадьми, все больше как-то с авиатехникой, а после выхода в запас – офисное кресло гораздо удобнее любого седла. Вот так и едем уже второй день. Мне даже самому удивительно, как смогли отмахать аж четыре дневных индейских перехода за это время. Пусть эти дети природы ходят пешком, в отличие от нашей экспедиции...

Кстати, Утес оказался неплохим наездником. Поскольку мы едем рядом, когда тропа позволяет, то он практикуется в русском, рассказывая свою эпопею. «Великое путешествие» троих молодых индейцев было не просто походом за славой. История пахла шекспировскими страстями с

Ромео-Джультеттами и прочими Отеллами. В качестве Отелло выступал ни много ни мало Черный Медведь, военный вождь племени. Ну а роль Ромео отводилась одному из приятелей Утеса, который задумал умыкнуть девушку, предназначенную в жены вождю. Не совсем вписывается в традиции и уклад индейцев, но в каждой семье бывают любители приключений на свое седалище. Предприятие не выгорело. Отец невесты застукал похитителей на месте преступления. В общем, парням был поставлен ультиматум: не то чтобы изгнание из племени, но чтоб их пару лет не видели. Вот ребятам и пришлось отправиться в путешествие. Лошадей им не дали. Сказали, не фиг имущество племени разбазаривать.

Глава 10

Первые дни мы шли без особых приключений и задержек. Все-таки это была территория дружественных племен, и можно было двигаться компактной группой, не останавливаясь у каждого холма, чтобы осмотреться и выбрать безопасный маршрут. На пятый день порядок движения изменился. Обязательный головной дозор, из одного нуму и Курбаши или Котенка. Другая парочка наших индейцев ехала в арьергарде, отставая иногда на полкилометра.

Благодаря этому караван несколько раз избегал встреч с охотничьими (а может, и военными) отрядами местных жителей. Мы не стали искушать судьбу, знакомясь с ними поближе, предпочитая отворачивать в сторону, избегая столкновений. Однако совсем избежать стычек не удалось. К вечеру четвертого дня, когда до места назначения оставалось совсем немного, нуму, скакавшие в арьергарде, заметили, что по нашим следам едет небольшая – четыре – пять человек – группа индейцев, стараясь не попадаться на глаза. Вообще-то в этих местах лошади еще не получили большого распространения и конные воины встречались достаточно редко. Так что к этим преследователям стоило отнестись со всем вниманием. После краткого, на ходу, совещания, было решено не отрываться от них, а устроить засаду в удобном месте.

Долго искать его не пришлось. Неширокий, не более полусотни метров, проход между двух рощ, густо заросших чапаралем, тянулся больше чем на километр, примерно посередине резко загибаясь влево. Проехав за поворот пару сотен метров, разделились. Антилопа и Утес повели лошадей почти к самому выходу из прохода, а остальные, спешившись, стали пробираться назад сквозь кустарник. Нуму под руководством Курбаши заняли позицию по правой стороне, Котенок слева, мы вместе с Вадимом схоронились за большим выворотнем прямо у тропы. При наличии автоматического оружия о судьбе преследователей можно было бы не беспокоиться, но как-то не хотелось устраивать бойню. Лучшим вариантом сочли разоружить преследователей без крови и стрельбы. Возможность вообще разойтись миром рассматривалась как значительно менее вероятная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.